

Идеальная ЭЛЬЗА

18+

ОНА
добивается
ВСЕГО,
чего хочет

Тата Алатова

Неидеальные женщины Таты Алатовой

Тата Алатова

Идеальная Эльза

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алатова Т.

Идеальная Эльза / Т. Алатова — «Эксмо», 2023 — (Неидеальные женщины Таты Алатовой)

ISBN 978-5-04-192951-0

Тата Алатова с изумительной искусностью сплетает судьбы своих героев, формируя интригующий узор. Герои ее романов – зрелые, рассудительные личности. И в то же время они не дают заскучать. В «Идеальной Эльзе» есть всё: объемные персонажи, захватывающий сюжет, приятный слог и небанальная история любви. Главная героиня Эльза Лоттар умна и сильна духом. Несмотря на все сложности, она уверенно идет к своей цели: стать богатой и независимой. И всякий, кто встает у нее пути, терпит поражение. Единственное, с чем «идеальная» Эльза не может справиться, – это любовь.

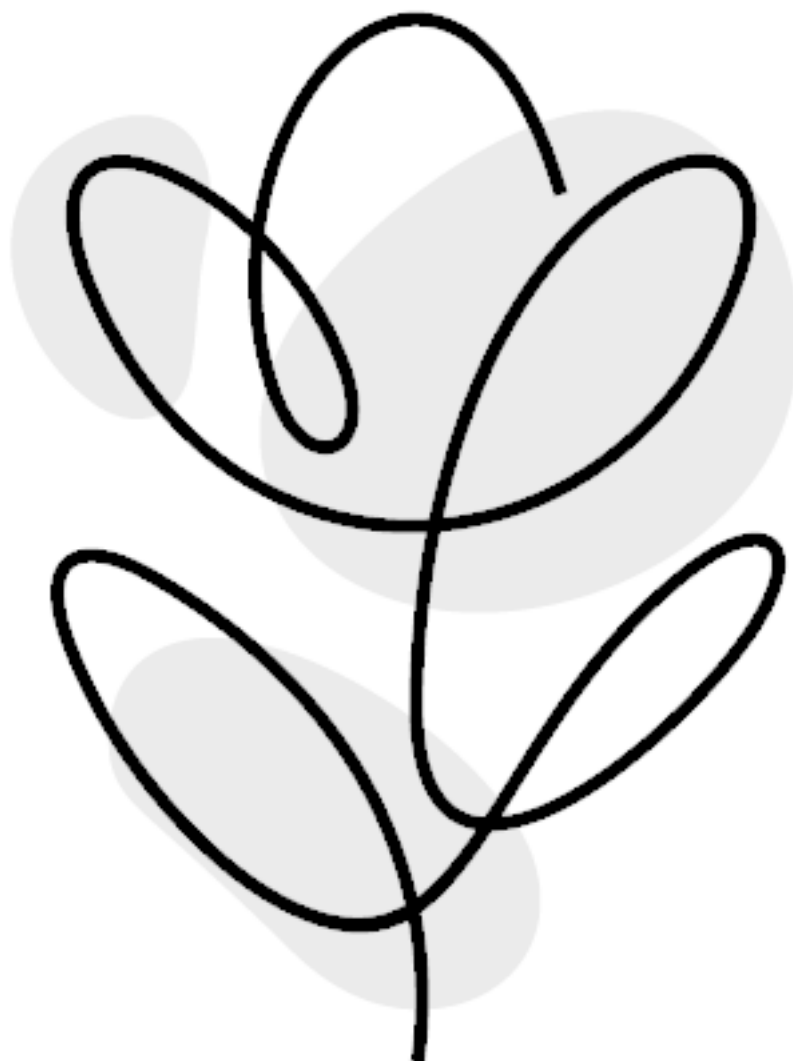
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192951-0

© Алатова Т., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Тата Алатова
Идеальная Эльза

© Алатова Т., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

– Кто ты такая? – лохматый старик склонялся над Эльзой, цепко удерживая ее за плечо, и его глаза впивались в нее со злостью и угрозой.

– Не знаю, – подумав, ответила Эльза.

Она могла бы сказать свое имя – но оно никак не ответило бы на этот вопрос.

Могла бы называть свой возраст – что-то между двенадцатью и четырнадцатью, по сообщениям самой Эльзы, – но это тоже бы не помогло.

Возможно, нужно было сообщить, что ее прислали из «Приюта любви и послушания», но это и без того было понятно по ее форменному платью.

Жизнь изменилась этим утром, когда Эльза мыла окна в кабинете директрисы, мадам Дюваль. Дверь вдруг распахнулась и пропустила внутрь невероятной красоты молодую даму в пышном платье, украшенном розами.

– Я больше не могу! – заломив белоснежные руки, воскликнула дама и изящно опустилась на кушетку. – Этот старик меня сведет в могилу.

– Господину Гё снова нездоровится? – спросила мадам Дюваль.

– Он опять выгнал всю прислугу и зарастает грязью в своей берлоге, – досадливо произнесла дама. – Иногда мне кажется, что он просто не выносит людей. Ах, мадам Дюваль, миленькая! Может, вы одолжите мне кого-нибудь из ваших воспитанников? Отец столько денег тратит на этот приют, уж пойдите и вы навстречу. Даже у бессердечного дельца не хватит духа выставить сиротку на улицу! Только подберите из тех, кто посообразительнее и послушнее!

Самой сообразительной и послушной в приюте была Эльза. Ее даже никто особо не полагивал – с тех пор как Ганс-задира попытался это сделать и даже кулак занес, а Эльза ему возьми и скажи: «Господин Ганс, да у вас же рубашка порвалась. Хотите, я ее зашью, да так аккуратно, что никто и не заметит, что там была дырка?»

Ганс так изумился, что драться передумал, а вечером смущенно принес Эльзе рубашку. Марта, чья кровать была совсем рядом, прошептала, глядя на то, как Эльза старательно шьет при свете свечи:

– Ох и хитрая ты, Эльза!

Эльза покачала головой, нанося стежки. Она не считала себя хитрой, просто ей нравилось хорошо учиться и не нравилось, когда ее лупят.

Поэтому она исправно посещала уроки физических упражнений, которые для девочек были необязательны, а потом уговорила Ганса научить ее драться. Никогда же заранее не знаешь, что пригодится тебе в будущем, а Эльза не сомневалась в том, что будущее у нее выйдет интересным.

Любовь к чтению разбудила фантазию, уроки домоводства приучали к труду. Эльзе было несложно помочь кухарке с ужином, садовнику с розами или помыть мадам Дюваль окна – потому что посмотрите, какими они стали пыльными.

Она была любимицей учителя математики, молодого господина Фейсара, с которым они частенько засиживались после уроков, решая сложные задачки. Он гладил ее по косичкам и угощал яблоками, и Эльза всегда благодарила его с простодушной улыбкой.

Господин Фейсар говорил, что от улыбки Эльза становится красивой, и иногда она после этого долго смотрела на себя в зеркало. Красивая? Некрасивая? Обыкновенная, честно решала Эльза, но несколько не огорчалась от такого вердикта.

Красивым в приюте было куда хуже.

На прощание ей выдали узелок с вещами: там были ночная рубашка, платье, смена белья и запасные башмаки. Провожал Эльзу садовник, господин Фридрих. Они долго плутали по узеньким улочкам, пока не нашли скрюченный домишко, стоявший будто в отдалении ото всех.

– Ну, ступай, девочка, – сказал господин Фридрих и сунул Эльзе несколько монеток.

Она прошла по кривой тропинке заросшего сада, толкнула тяжелую дверь, которая оказалась приоткрытой, и очутилась в сумрачном холле с высоким потолком. Широкая лестница из темного дерева вела наверх, дверь по левую руку была распахнута, и Эльза тихо заглянула в одну из них, остолбенев от количества книг.

И в эту минуту зловещий высокий тощий старик схватил ее за плечо и спросил, нависая над ней:

– Кто ты такая?

– Я не знаю, – ответила Эльза, прямо глядя на него снизу вверх, и этот ответ неожиданно заставил господина Гё фыркнуть.

– Разума тебе не занимать, – проворчал он. – Люди то и дело говорят про себя всякие глупости.

– Я пришла о вас позаботиться, – сообщила Эльза, припомнив напутствие мадам Дюваль.

– Вот как, – он насмешливо окинул взглядом ее приютское платье. – Стало быть, моя ненаглядная дочь Анна выпросила тебя у мадам Дюваль? Я не люблю досужих разговоров и лишнего шума, заруби себе на носу. И не смей заходить в мой кабинет, это вон та дверь в углу. А в остальном копошись тут на свое усмотрение.

Эльза не отводила глаз от его тяжелого подбородка, чуть выступавшего вперед, огромного кадыка, длинного носа, лохматых бровей. Он выглядел свирепым, но не вызывал у нее страха.

От господина Гё приятно пахло чем-то полынно-горьким, вовсе не так, как от других стариков. Эльза помнила приторно-удушливый запах болезни и старости – по воскресеньям они часто навещали бедняков, потому что мадам Дюваль верила в пользу благотворительности.

Эльза знала, что господин Гё был одним из главных попечителей приюта, иногда на праздники она мастерила для него благодарственные открытки, но прежде никогда не видела его лично.

И теперь он казался ей непостижимо великим – очевидно, он был богат, силен и знал, чего хотел.

Эльза хотела быть кем-то похожим на господина Гё – только без кадыка, пожалуйста.

Наконец он отпустил ее плечо и пошел наверх, а Эльза, прижимая к себе узелок, осмотрелась на первом этаже.

Здесь была кухня и за ней комнатка с кроватью и грязным бельем. Наверное, она предназначалась для прислуги, и Эльза решила занять ее. Она открыла окно, чтобы избавиться от запаха затхлости. Снаружи был сад, и тяжелая ветка с еще зелеными сливами манила к себе. Но Эльза не стала есть зеленых слив, как это иногда делали другие приютские дети. В поносе нет ничего хорошего.

Еще здесь были библиотека с книгами, столовая и небольшая гостиная. К кабинету Эльза даже близко не подходила – она вовсе не собиралась нарушать прямой запрет. В сказках героиням то и дело говорили: только не ходи в тайную комнату, – и они лезли туда первым делом. Эльза презирала этих идиотов и всегда сердилась, что они выходили сухими из воды.

К послушанию их приучали в приюте мудрым словом и розгами. Эльзе досталось только однажды, но этого хватило, чтобы сделать выводы. Ради чего демонстрировать свой характер? Ради наказания?

Нет, этот путь только для дураков.

Она вернулась на кухню. Все в доме было присыпано тонким слоем пыли, а здесь еще и жира. Понадобилось не меньше трех часов и двух ведер нагретой воды, чтобы отмыть все столы, стены, полы и посуду.

В кладовках нашлись запасы продуктов, и Эльза поставила вариться немудреную похлебку. Она знала, что богачи предпочитают другую еду, вроде трюфелей или устриц: Марта, которая когда-то жила в роскоши, говорила об этом с придыханием.

Но Эльза даже не поняла, что это такое.

С новым ведром теплой чистой воды она прошла в столовую и первым делом помыла там окна, впуская яркий свет.

Эльза обожала мыть окна: ей казалось, что мир становится чище и понятнее. С трудом стащив тяжелые пыльные портьеры, Эльза уволокла их в прачечную и решила, что поужинать господин Гё сможет и без них. Закончив с уборкой, она тихо поднялась на второй этаж и позвала:

– Господин Гё! Могу я накрыть ужин?

– Ужин? – его голова высунулась из-за одной из дверей. – С каких пор в этом доме подают ужин?

Это было непонятно, и Эльза замолчала. Учитель математики, господин Фейсар, поучал ее: если не знаешь, что делать, не делай ничего. Замри, пока не найдешь решения задачи. Не надо плодить ошибки.

И теперь Эльза не знала – рассердился ли господин Гё или просто удивился.

– Спущусь через пятнадцать минут, – сказал он и хлопнул перед носом Эльзы дверью. Она перевела дух и опрометью бросилась на кухню.

Перемены в жизни были слишком стремительными, чтобы Эльза могла как следует их обдумать. Она была рада покинуть приют, но что ждет ее теперь? Господин Гё казался слишком старым, чтобы делать с Эльзой всякие мерзкие вещи, но приютский священник тоже был старым.

Мадам Дюваль оберегала непорочность своих подопечных. В здание, где жили девочки, запрещено было входить не только приютским мальчишкам, но и воспитателям-мужчинам, однако в прошлом году у пятнадцатилетней Агаты вдруг принялся стремительно расти живот. Ее быстро увезли из приюта, а мадам Дюваль собрала всех девочек в столовой и сделала им строгое внушение. «Вы не должны позволять себя трогать, – сказала она, – а если кто-то посмеет это делать без вашего согласия, то немедленно сообщите мне».

Тогда тихоня Клара неожиданно для всех подняла руку и прерывающимся от ужаса голосом сообщила, что отец Картер трогал ее грудки.

Мадам Дюваль назвала ее лгуньей и назначила десять ударов розгами.

Многие девочки могли подтвердить слова Клары, но розги есть розги, и все молчали.

Так Эльза поняла, что взрослые говорят одно, а делают совсем другое.

Пока она слишком мало знала о господине Гё, чтобы решить – к добру или к худу приводит ее новая жизнь. Но она решила стать очень полезной и очень послушной, потому что в приюте у нее не было своей комнаты и там все время приходилось держать ухо востро.

Эльза была не из тех, кто попадает в неприятности благодаря своей глупости, но иногда неприятности нападали на нее сами по себе.

Господин Гё появился ровно через пятнадцать минут – Эльза следила по огромным напольным часам. Она быстро поставила перед ним сияющую чистотой тарелку и налила из фаянсового супника похлебку. Придвинула тарелки с нарезанным сыром, мясом и хлебом. Стакан компота. Чашку чая. Бокал вина. Чтобы на выбор.

Господин Гё посмотрел на это со странным выражением лица, но взял ложку и начал есть.

Эльза стояла чуть позади и сбоку, не спуская с него внимательного взгляда, готовая выполнить любое поручение.

Но он не произнес ни слова. Съев все до капли и не притронувшись к напиткам, господин Гё поднялся и направился к выходу. На пороге вдруг остановился:

– Что насчет твоего жалования?

Эльза сглотнула. Мадам Дюваль ни о чем таком не говорила, но иногда приходилось действовать на свой страх и риск.

– Три гульдена в неделю, – спокойно сказала Эльза, хоть сердце ее и колотилось – не слишком ли много она захотела? – И пять гульденов на продукты и бытовые мелочи – у вас тут шаром покати.

– Я буду оставлять тебе мелочь на каминной полке, – кивнул господин Гё. – Среди недели я встаю в пять утра и завтракаю кофе и тостами. Возвращаюсь около десяти вечера, и мне нужно что-то легкое, вроде твоей похлебки. И держи в порядке мою одежду, Анна часто жалуется, что я выгляжу неопрятно.

– Я все поняла, господин Гё, – склонила голову Эльза.

Прошло три месяца, прежде чем они заговорили друг с другом снова.

Жизнь Эльзы стала размеренной и понятной. Она вставала в четыре тридцать утра, чтобы нагреть господину Гё воды для умывания и сварить кофе.

После завтрака он обычно уходил на целый день, а Эльза со всех ног неслась в приют, торопясь на уроки, которые начинались в восемь. Мадам Дюваль только спросила ее, не против ли господин Гё, а Эльза соврала, что не против.

После обеда она обыкновенно шла на рынок за продуктами и к четырем часам возвращалась в скрюченный домишко. На то, чтобы убраться, приготовить нехитрый ужин, постирать и поухаживать за одеждой господина Гё, уходил остаток дня.

Она чинила его сюртуки – из добротной ткани, но не слишком новые. Гладила рубашки. Чистила обувь. Наверное, господин Гё был человеком привычки и не больно-то падок на модное и новехонькое. Но Эльзе нравилось, что благодаря ее усилиям эти вещи выглядели куда приличнее.

Она стирала постельное белье и шторы, таскала тяжелые ведра с водой для ванн господина Гё. Иногда по вечерам ее руки ломило, а спину тянуло, но она вставала и все равно торопилась через весь город на уроки.

Тайком Эльза таскала книги из библиотеки. Сентиментальные романы и всякие приключения не впечатляли ее – куда с большим интересом она читала про экономику и торговые войны, благо такой литературы здесь было предостаточно.

Эльза мечтала однажды открыть свою собственную лавку. Ей было неважно, чем торговать: мануфактурой, бакалеей или рыбой. Главное – чтобы она распоряжалась там по собственному разумению.

Как-то, когда она чистила картошку, в дверь постучали. Эльза даже не сразу поняла, что это за звук – клац! клац! Никогда еще к ним не приходили гости, а господин Гё пользовался своим ключом.

А потом она с опаской выскользнула в холл и едва приоткрыла тяжелую дверь, накинув внушительную на вид цепочку.

На пороге стоял незнакомый мужчина примерно сорока лет с усталым некрасивым лицом и фигурой, похожей на бочонок.

– Сиротка господина Гё, – произнес он с таким видом, будто унюхал тухлятину. – Впусти меня в дом, мне нужно кое-что забрать из кабинета.

– Но кто вы? – спросила Эльза, нахмурясь.

– Меня зовут господин Корбл, – ответил он раздраженно. – Я секретарь господина Гё. Мне срочно надо привезти ему важные бумаги.

– Господин Гё не предупреждал меня, – строго сказала Эльза, не зная, как поступить. Ей очень не хотелось пускать незнакомца в дом и тем более в кабинет.

– Господи боже мой, как бдительная маленькая сторожевая собачка, – вдруг засмеялся господин Корбл. – Так что же мы будем делать? Господин Гё очень рассердится, если не получит своих бумаг.

– Дайте мне адрес и объясните, где лежат бумаги. Я сама их отнесу, – решила Эльза.

– А если я подкараулю вас за углом и отберу эти бумаги? – еще пуще развеселился господин Корбл.

Эльза скрестила руки на груди.

– А вы только попробуйте что-нибудь отобрать у человека, который вырос в сиротском приюте, – холодно сказала она.

Господин Корбл так и покатился со смеху. Но все же объяснил, как выглядят и где лежат бумаги, с важным видом наказав не потерять их по дороге – а то с них обоих шкуру спустят.

Вылезая из окна прачечной, Эльза поняла, что она в ужасе. За один день она дважды ослушалась господина Гё: вошла в кабинет и не отдала бумаги его секретарю. Но уж лучше розги, чем излишняя доверчивость. Кто угодно мог представиться помощником господина Гё – хороша была бы Эльза, если бы уши развесила.

Она выбралась на другую улицу – не ту, где остался господин Корбл, – и тут же взяла экипаж, назвав ему адрес конторы.

Эльза два раза проехала вдоль нее, не решаясь выйти, ведь адрес тоже мог быть ловушкой!

Но вывеска «Торговое предприятие Абельхарда Гё» немного успокоила Эльзу. Наконец она покинула надежную кабинку экипажа и опрометью вбежала внутрь.

Ее тут же остановил грозный швейцар на входе.

– Ку-у-уда, малявка! – рявкнул он.

Эльза гордо выпрямилась.

– Мне нужно срочно видеть господина Гё, – сказала она спокойно. – Я привезла ему бумаги из дома.

Швейцар вылупился на нее во все глаза.

– Кто ты такая? – спросил он, и Эльза вспомнила, как ровно такой же вопрос ей задал во время первой встречи господин Гё.

Это воспоминание придало ей сил, потому что, по правде говоря, ноги под длинным платьем едва не подгибались.

– Эльза Лоттар, – произнесла она со значением и расправила плечи. – Господин Гё не любит ждать.

И она потрясла папкой с документами у него перед носом.

Сейчас нельзя было показывать страха или растерянности. Это как с дикими собаками: никакой слабости.

Ее уверенность поколебала швейцара. Он ошарашенно покачал головой, а потом проговорил:

– Я сам тебя провожу. Если ты надула меня – лично всыплю тебе по первое число.

– Договорились, – кивнула Эльза.

Она шла за ним, ничего не видя вокруг. Угроза «всыпать по первое число» казалась куда менее страшной, чем возможный гнев господина Гё.

Они поднялись по широкой лестнице, прошли коридором, а потом швейцар постучал и с неожиданной робостью произнес:

– Господин Гё, к вам тут сиротка какая-то. Говорит, что привезла документы из вашего дома.

– Эльза Лоттар, не сиротка, – поправила она его и шагнула вперед.

Господин Гё сидел за заваленным бумагами столом и смотрел на нее удивленно.

– Эльза Лоттар, – повторил он. – Так вот как тебя зовут.

Глава 2

Господину Гё нездоровилось вот уже три дня – свои детство и юность он провел впроголодь, и теперь желудок все чаще подводил его.

В такие дни Эльза варила ему скользкие каши и не ходила на уроки, боясь оставить своего нанимателя без пригляда.

Каким-то невероятным образом боль в животе отзывалась в его ногах, и Эльза подолгу просиживала на полу возле его кресла, массируя сведенные мышцы икр.

Это не вызывало ни отвращения, ни брезгливости. В господине Гё ей нравилось все – и его резкий голос, и крупные руки, и кустистые брови, и даже большой кадык.

За последние два с половиной года она очень привыкла к нему и теперь могла быть полноценной сиделкой, если бы такое понадобилось.

Их отношения были такими же молчаливыми. Нелюбовь господина Гё к досужим разговорам с возрастом лишь возрастала, и порой они месяцами не говорили друг другу ни слова.

Но кое-что все-таки изменилось в тот день, когда несколько недель назад господин Гё вдруг заехал в приют к мадам Дюваль и увидел среди склонившихся над тетрадами учеников Эльзу.

Мадам Дюваль он ничего на это не сказал, но вечером устроил Эльзе настоящий разнос.

– Так-так, мелкая мошенница, – проскрипел господин Гё. – Так-то ты обо мне заботишься?

Эльза мышкой замерла перед ним, думая о том, что она не переживет, если ее вышвырнут вон. Жизнь в скрюченном домишке была спокойной и мирной. Здесь никто не обижал ее, не угрожал и не делал каверз.

Она засыпала совершенно спокойно и даже перестала прятать под подушку ножницы для шитья. Не боялась, что в столовой кто-то из старших отнимет ее ужин. А кроме того – кошелечек с деньгами неуклонно становился тяжелее. Эльза не тратила свое жалование ни на ленты, ни на конфеты, чужды ей были и развлечения на ярмарках. Господин Гё оставлял достаточно на ведение дома, чтобы изредка она могла позволить себе купить ткани на новый фартук или карандаши.

И вот теперь все ее благополучие повисло на тоненькой ниточке.

– Но ведь, – пролепетала Эльза, подавленная язвительностью господина Гё, – чем я умнее, тем полезнее для вас.

– Что мне проку от твоей образованности? – фыркнул он.

– Одну минутку, господин Гё! – воскликнула Эльза и побежала к себе в комнатку, откуда вернулась с толстой тетрадкой расходов и доходов. Она положила ее на стол и принялась разъяснять, стараясь говорить как можно спокойнее и не частить:

– Вы дадите мне пять гульденов в неделю на ведение хозяйства. Из них я трачу на продукты не более трех, потому что умею находить лавки, где дешевле и свежее. Раз в два месяца я отправляюсь на товарную биржу на площади Трех портов, где покупаю векселя молодых предприятий. Спустя уже несколько месяцев они обычно растут в цене, и их можно продать, получив с каждого потраченного гульдена от тридцати пфеннигов до трех гульденов. На эти деньги я покупаю вам новые рубашки и галстуки, на которые вы не обращаете, правда, ни малейшего внимания. Вот здесь все записано, – и Эльза подвинула господину Гё тетрадки.

– Торговые биржи – пристанище спекулянтов! – гневно возразил он. – Сборы проходимцев...

– Да, – кивнула Эльза, – но туда часто приходят те, кому не хватает капиталов для открытия своего дела. Понятно, что очередная рыболовная компания быстро прогорит, потому что в этой отрасли высокая конкуренция и новичков там топят всем скопом, но вот поставки мра-

мора в этом году пользуются высоким спросом, после того как госпожа Саттон воздвигла себе дворец прямо в центре города. Однако долго держать при себе такие векселя чревато – мода слишком быстротечна.

– Откуда ты все это знаешь, девочка? – спросил господин Гё, быстро листая тетрадь.

– Я читаю ваши газеты и много времени провожу на рынке и в порту, – ответила Эльза, решив, что ей больше нечего терять.

– Значит, – заключил господин Гё, – за последние два года ты получила девять выплат на общую сумму в пятьдесят восемь с половиной гульденов.

– Именно так, господин Гё.

Он задумчиво пожевал губы.

– Как ты смотришь на то, если я буду выдавать тебе на этакое баловство пятьдесят гульденов в месяц?

– Тогда мы сможем лучше понять принцип работы торговой биржи, – ответила Эльза робко, ожидая, что над ней всего лишь посмеются. Насколько она успела понять, коммерсанты старой закалки вроде господина Гё не больно-то жаловали все эти акции и векселя. Они привыкли к настоящим деньгам, а не к бумажкам.

– В таком случае, – произнес господин Гё, захлопывая тетрадь, – я хотел бы выдать тебе твою часть прибыли – пятнадцать гульденов. Купи, наконец, себе два нормальных платья, от твоего сиротского наряда у меня повышается выделение желчи.

И хоть Эльзе было ужасно жалко тратить так много денег на стариковскую прихоть, она именно так и сделала.

И вот теперь в красивом новом платье она сидела у ног господина Гё, делая ему массаж. В эту минуту вдруг забарабанил дверной молоточек. Эльза вскинула вопросительный взгляд вверх, и господин Гё скривился.

– Только если это действительно важно, – с неудовольствием проронил он.

Эльза встала и направилась в холл, чуть приоткрыла дверь и тут же распахнула ее настежь, потому что на пороге стояла прекрасная госпожа Анна, младшая дочь господина Гё.

– Добрый вечер, – проговорила Эльза благовоспитанно, провожая гостью в гостиную, а в ответ удостоилась лишь недовольного оценивающего взгляда. Они не виделись с того самого дня в приюте, когда госпожа Анна попросила какую-нибудь послушную сиротку у мадам Дюваль. Вряд ли Эльзу тогда вообще запомнили. – Господин Гё не слишком хорошо себя чувствует.

Они вошли в гостиную, и господин Гё немедленно рассердился.

– Я же сказал – действительно важно! – воскликнул он.

– Папа, вы не появлялись в конторе уже несколько дней, и мы все беспокоимся...

Эльза отступила, намереваясь оставить их одних, но господин Гё обжег ее злым взглядом и кивнул на подушечку у ног.

И хоть это и было неловко, Эльза опустила на пол и вернулась к своему занятию. От такого возмутительного нарушения приличий госпожа Анна немедленно замолчала.

– Не стоило тебе волноваться, – холодно ответил господин Гё, – на твоём содержании мои старческие немощи никак не отразятся.

Эльза уже знала, что госпожа Анна больше всего боялась смерти отца, потому что не была уверена, что ее старшие братья, наследники империи Гё, оставят ее более чем щедрое содержание на том же уровне.

Господин Гё не был близок с детьми. Эльзе даже казалось, что он едва их выносил, поскольку всегда отзывался о них с гримасами и с едкими эпитетами.

– Ах, что вы говорите... – пролепетала госпожа Анна и добавила с раздражением: – Папа, вы не могли бы убрать свои постыдные увлечения подальше с моих глаз!

Эльза не дрогнула. Она предполагала, что ее отношения с господином Гё могут быть истолкованы превратно, но это ее совершенно не расстраивало.

– У меня болят ноги, – кратко ответил господин Гё. – Хочешь сама мне сделать массаж, милая моя Анна?

– Значит, надо срочно вызвать лекаря, – поспешно отозвалась она. – Милочка, сбегайте за господином Тедриком, что живет на Горшочной улице.

Эльза снова подняла глаза на господина Гё, ожидая его указаний, и насмешливый изгиб его губ был более чем красноречивым ответом. Поэтому она лишь молча склонила голову, ничего не ответив.

– Кажется, вы не были немой, – прикрикнула на нее госпожа Анна.

– Простите, моя госпожа, – ровно ответила Эльза, – но я выполняю лишь прямые поручения господина Гё и никого больше.

Гостья на некоторое время замолчала, словно раздумывая, как на такое реагировать, потом спросила отца:

– Откуда ты вообще притащил эту девицу?

– Ты сама мне ее прислала, – ехидно ответил господин Гё.

Визит госпожи Анны был крайне непродолжительным. Закрыв за ней дверь, Эльза помогла хромающему господину Гё подняться в его спальню и положила к его ногам грелку.

– Важно – это Корбл или кто-нибудь другой из конторы, – проворчал господин Гё, – а вовсе не эти пиявки, мои дети.

– Простите, – смиренно ответила Эльза и направилась к выходу.

– Послушай-ка, – окликнул ее господин Гё, – ты ведь завершаешь обучение в приюте в следующем месяце?

Эльза удивилась тому, что он знает о таких мелочах.

– Да, господин Гё.

– Не хочешь ли ты обучиться настоящему делу? – спросил он сухо. Эльза замерла, вся превратившись в слух. – Поработаешь на меня, девочка, поймешь, что к чему в настоящей коммерции. Это не твои игрушки с векселями. Только начнешь с самого низа.

– Да, господин Гё, – прошептала ослабевшая от счастья Эльза. – Я готова служить кем угодно, господин Гё.

Эльза впервые увидела Кристиана Эрре в тот день, когда принесла ему огромный букет роз. Она изрядно изранилась о шипы, пока тащила его.

К тому времени Эльза работала посыльной в Торговом предприятии Абельхарда Гё около полугода и за это время успела понять, что не все поручения бывают безопасными. У господина Гё было довольно скверное чувство юмора.

Например, однажды Эльзе пришлось доставить госпоже Анне прекрасное кольцо, в котором до этого блистала известная куртизанка. В тот день дочь старика Гё с таким гневом отшвырнула от себя украшение, что глубокая ссадина от бриллиантов заживала на лице Эльзы едва не с месяц.

В другой раз ей нужно было отнести солидный мешочек с деньгами, и Эльза чуть не умерла от страха и подозрительности, что ее вот-вот ограбят.

Однако она не возражала, какими бы причудливыми ни были задания господина Гё.

Иногда ей казалось, что он испытывает ее на прочность, а иногда – что он вообще о ней не думает.

Впрочем, обычно Эльза просто сновала туда-сюда по городу, выполняя довольно мелкие поручения и передавая не слишком важные письма и другие документы.

Компания «Эрре и сыновья» занимала роскошный особняк в центре города. Здесь были мраморные колонны, вычурная лепнина, позолота, разноцветные витражи из цветных стекол, и

Эльза даже слегка оробела. Эльза с довольно короткими волосами и в форменном костюмчике Торгового предприятия – серых штанишках и кителе с нашивками из монет – не отличалась от множества других посыльных. На нее никто не обращал внимания, но и не прогонял, как тот швейцар из конторы господина Гё.

Поднявшись по широкой роскошной лестнице, Эльза вошла внутрь, стараясь не слишком таращить глаза по сторонам.

– Розы для господина Кристиана Эрре, – тихо сказала она какой-то служащей, которая скучала за конторкой возле входа.

Эти слова произвели неожиданный эффект. Служащая подпрыгнула и посмотрела на Эльзу едва не с ужасом:

– Розы? В такой день?

Мрачное предчувствие сжало сердце Эльзы. Наверняка быть отхлестанной шипастыми розами даже хуже, чем получить колю по лицу.

Она молчала, не зная, что и ответить, когда резкий голос крикнул сверху:

– Что это, Катарина?

Служащая вжала голову в плечи.

– Розы... для вас, господин Эрре.

Послышался дробный перестук каблуков о камень, в следующее мгновение Эльзу развернули, и она увидела перед собой разъяренное и злобное лицо.

Оно принадлежало довольно молодому мужчине около тридцати лет – в компании господина Гё он бы не поднялся выше клерка, ведь старик не доверял молодым.

Но очевидно, этот мужчина был здесь главным.

И очевидно, он и был Кристианом Эрре.

– Кто посмел их прислать? – коротко спросил этот человек.

У него были жесткие и властные черты лица, совсем не похожие на изнеженность сыновей господина Гё. Серые глаза отливали холодом. Он не был красивым или даже симпатичным, никакого очарования, столь милого юному сердцу Эльзы. Но она вдруг совсем по-девчачьи покраснела и ответила, дребезжа голосом:

– Абельхард Гё.

Лицо господина Эрре исказилось.

– Этот проклятый старик! – завопил он, вырвал из ее рук розы и безжалостно швырнул их в урну. Эльза выдохнула с облегчением: кажется, смерть от шипов ей больше не грозила.

– Передай своему господину, – прорычал господин Эрре... и дальше произнес столь грязные непристойности, каких Эльзе даже в порту не доводилось слышать.

Она собрала в себе остатки мужества и кивнула.

– Повтори, – вдруг потребовал он.

И Эльзе пришлось повторить все это слово в слово, отгоняя от себя мысли, что мадам Дюваль, узнай она об этом, наверняка заставила бы ее вымыть рот с мылом.

После этого господин Эрре тут же забыл о ее существовании, о розах, о господине Гё, потому что закричал кому-то в глубине зала:

– Дитмар, почему ты уже здесь! Я же тебе четко приказал – не возвращаться, пока ты не выловишь из этой чертовой реки все сундуки до последнего!

Вечером господин Гё нарушил привычное молчание, которое всегда царило во время его ужинов:

– Ну-ка, Эльза, расскажи мне, как господин Эрре отреагировал на мой подарок.

Она едва слышно вздохнула и четко, без запинки произнесла как.

Господин Гё расхохотался. И хохотал так долго, что на глазах его выступили слезы.

– Дитя мое, – простонал он, – как я рад, что у тебя безупречная память. Ты ведь не пропустила ни словечка?

Эльза покачала головой. Она редко разрешала себе задавать вопросы, но тут не смогла удержаться:

– Но кто такой этот Кристиан Эрре? И почему он так рассердился?

– Потому что сегодня сразу два корабля с его грузами попали в шторм и ушли под воду, – радостно ответил господин Гё. – Такая неслыханная удача, что наши корабли застряли из-за неполадок с поставщиками и не покинули этой ночью порт. Что же касается того, кто он таков, то это щенок напыщенного семейства Эрре. Из тех, что даже гадят в золотые ночные горшки. Его папаша был слабаком и отдал богу душу из-за чрезмерной праздности и пьянства. Я, признаться, очень веселился, когда этот сопляк занял его место, но знаешь, что я скажу тебе, моя дорогая Эльза? У мальчишки острые зубы. Вот увидишь, из него выйдет толк.

На памяти Эльзы это было впервые, когда господин Гё кого-то похвалил, и она постаралась запомнить жесткое лицо с серыми стальными глазами, кривизну капризных губ, немного тяжеловесную массивную фигуру в обычной рубашке с подтяжками и небрежный хвостик взлохмаченных темных волос.

Что-то подсказывало ей, что их пути с острозубым щенком семейства Эрре еще пересекутся.

Глава 3

На похоронах было так скучно, что Кристиан едва удерживал зевоту. Притупилась даже радость от смерти старика Гё – а ведь казалось, что захочется плясать на его могиле.

Плясать не хотелось. Хотелось, чтобы это поскорее закончилось.

Дочь Гё и двое его сыновей выглядели скорее задумчивыми, чем опечаленными. У старика был крутой нрав, и спуску он не давал ни семье, ни конкурентам. Кристиан знал об этом не понаслышке: много лет он провел в торговых войнах с Гё и все эти годы мечтал, чтобы тот сдох побыстрее.

Чуть в отдалении ото всех стоял, пожалуй, единственный человек, кто сегодня действительно скорбел. Эльза Лоттар, доверенное лицо Гё, его правая рука и, по слухам, любовница. На девицу семья покойного поглядывала с отдельным негодованием. Похоже, Лоттар и вовсе бы не допустили сюда, если бы не боязнь скандала – уж слишком большую роль она играла в последние годы в Торговом предприятии покойника.

Лоттар была при Гё много лет, но внимание Кристиана привлекла к себе лишь три года назад. В тот день они с мерзким старикашкой заключали одну из сделок, к которым редко, но время от времени приходили.

К тому, что за спиной Гё частенько маячит немногословная и сдержанная Эльза Лоттар, к той поре все уже привыкли. Но то, что прежде, чем изучить документы, Гё сначала сунет их Лоттар, а потом не глядя подпишет, Кристиана поразило до глубины души.

Несмотря на все различия, делающие их не просто конкурентами, а личными недоброжелателями, их роднили тотальная недоверчивость и стремление все контролировать. В бизнесе нельзя щелкать клювом, а стоит хоть что-то пустить на самотек, так тебя либо обворуют, свои или чужие, либо отнесутся к делам спустя рукава. Наемные служащие – вовсе не то же самое, что хозяин. Наемным служащим лишь бы быстрее разделаться с работой, получить деньги и разбежаться по домам.

Пока Лоттар сосредоточенно читала документы, а Гё, развалившись в кресле, разглагольствовал о ценах на зерно, Кристиан едва скрывал раздражение. Встреча затягивалась, присутствие Лоттар казалось неуместным, а длинные монологи высокомерного выскочки вгоняли в тоску.

Но потом Лоттар дочитала документы, молча кивнула, подвинула их Гё, а тот, не прерывая своей речи и не глядя в бумаги, быстро расписался.

Кристиан смотрел на это, замерев от изумления.

Возможно ли, что Гё стареет и теряет хватку? Его зубы притупились, а в сердце закралась сентиментальность?

И в то же время на секунду, всего на секунду, Кристиана кольнуло что-то острое в висок: позже он определил это чувство как зависть.

Слишком заманчивой оказалась мысль, что бывают такие сотрудники, на которых можно полностью положиться.

С тех пор Кристиан выяснил о Лоттар все, что мог.

В Торговом предприятии она начинала девчонкой-посыльным, при этом никто не мог точно сказать, откуда она взялась и почему ее вообще приняли на службу. Гё славился подотчетностью и очень тщательным подходом к выбору персонала – от уборщиц до директоров.

Потом Лоттар начала и сама торговать – зеленью и овощами. Стояла за прилавками в самых маленьких и самых далеких лавках, постепенно перебиралась в те, что покрупнее и подходнее, а спустя жалких два года перешла в головную контору, где занималась сначала подсобной работой, потом приняла на себя отдел закупок, и вот тогда о ней заговорили впервые. Поставщики жаловались на ее изматывающую требовательность к качеству продукции

и срокам поставок, на то, что она дралась за каждую монетку. Гё в ответ на жалобы только посмеивался и отдавал Лоттар все больше полномочий.

Говорили и о ее неподкупности. Не поверив, Кристиан лично отправил к ней троих своих людей, предлагавших немислимые деньги за кое-какие секреты Торговой компании. Лоттар посмеялась над первым, сдала головорезам Гё второго, а третьего лишь смерила презрительным взглядом, вовсе не удостоив ответом.

Разменяв седьмой десяток, Гё, казалось, только вошел в раж: он открывал новые магазины, искал новых поставщиков, скупал акции молодых компаний, а полтора года назад и вовсе решил, что быть торговцем – этого мало, заделался еще и финансистом, приобретя крупную долю в разоряющемся банке по бросовой цене. Благодаря этому банк устоял и теперь уверенно отвоевывал свою долю рынка.

Казалось, что с возрастом жадность и азарт Гё лишь усиливаются.

Про их отношения с Лоттар люди болтали всякое: что стареющий Гё потерял голову из-за девчонки, что он не только спит с ней сам, но и подкладывает ее под нужных людей, что они вообще живут вместе, а дети почти не разговаривают с отцом. Другие считали Лоттар внебрачной дочерью старика. Никаких доказательств этим сплетням, кроме раздора в семье Гё, Кристиан так и не нашел, но признавал, что основания для подобных слухов более чем убедительные.

Гё старел, становился злее, невыносимее, заносчивее. Несмотря на то что старший из его сыновей уже подошел к тридцатилетней отметке, к делам он так и не был допущен. И сейчас, глядя на безвольные и изнеженные лица наследников, Кристиан понимал, что империи его конкурента пришел конец. Сыновья не доверят Лоттар управление капиталами, а сами они, не приученные к бизнесу, быстро развалят все дела.

Однако никакого злорадства он не испытывал. Гё – жесткий, хитрый и плохо воспитанный – был ему как кость в горле, но приносил немало радости от побед над ним и злости из-за поражений. Вышедший из самых низов, он пробивал себе путь кулаками и зубами, не стеснялся в средствах, плевал на всякую порядочность и частенько решал вопросы с помощью своих головорезов.

Кристиан презирал все это, его методы были основаны на соблюдении внешних приличий, за его спиной стояла поддержка семьи – мощная, древняя, надежная.

И в то же время он помнил, что именно у Гё было кое-что ценное, кольнувшее однажды Кристиана мелкой завистью. А он не привык никому завидовать.

Кристиан отступил на шаг и отдал короткое распоряжения Катарине.

Казалось, у его секретарши была змеиная кровь. Она так ловко просочилась мимо одетых в черное людей, так быстро проскользнула мимо бледной и отрешенной Лоттар, что никто и не заметил даже, как она успела произнести несколько слов. Глаза Лоттар немного расширились, а дыхание чуть-чуть сбилось. Кристиан и не заметил бы этих едва заметных перемен, если бы не впился в нее пронзительным и изучающим взглядом.

На ее лице отразилось понимание, и она едва заметно кивнула.

В кабинет Кристиана Лоттар вошла все в том же черном строгом платье, в котором была на похоронах.

Бледная и светлая кожа резко контрастировала с этой подчеркнутой траурностью.

Лоттар, тонкая и гибкая, была не слишком красива, но не лишена изящества, а дорогую одежду носила с небрежностью человека, который никогда не нуждался в деньгах. Была ли у Лоттар семья, какое воспитание она получила и где Гё вообще ее откопал, Кристиан не знал.

– Господин Эрре, – произнесла Лоттар тихим, но довольно твердым голосом и посмотрела со спокойным ожиданием.

Кристиан молча кивнул ей на кресло перед собой, и Лоттар опустилась в него, стянув тонкие черные перчатки.

Долгое время в кабинете царил молчание. Кристиан разглядывал свою гостью, а Лоттар, казалось, никуда не торопилась.

– Сколько вам лет, госпожа Лоттар? – наконец спросил Кристиан.

– Двадцать четыре, – с легкой заминкой, как будто этот вопрос вызвал какое-то внутреннее затруднение, ответила она.

– Как вы думаете, для чего я попросил вас прийти?

– Полагаю, чтобы предложить мне службу, – едва склонив голову набок, отозвалась Лоттар. Она казалась разумной и сдержанной особой, не склонной к скоропостижным выводам или бурным проявлениям чувств. Даже сейчас, потеряв человека, которому была предана много лет, Лоттар прекрасно владела собой.

– И вы...

– Намерена согласиться, – просто, безо всяких долгих хождений вокруг да около сказала она.

Кристиан, не готовый к такому стремительному вероломству, презрительно прищурился. Все-таки преданности наемных служащих не существовало в природе. На минуту ему захотелось выгнать Лоттар, сказать, что ему не нужны настолько продажные люди, но останавливало ее непоколебимое спокойствие.

Как будто она не считала, что подводит покойного старика Гё.

Это сбивало с толку.

– Я буду говорить прямо, – Лоттар проницательно взглянула на Кристиана – и словно прочитала все его мысли. – Этому секрету недолго оставаться таковым. Через четверть часа поверенный господина Гё зачитает семье завещание, и тогда-то выяснится, что акции банка принадлежат мне. Они изначально были записаны на мое имя, господин Гё выступал лишь моим полномочным представителем. Мы решили, что в совете акционеров его голос будет звучать весомее.

– Это означает, что вы не нуждаетесь в работе, госпожа Лоттар, – ответил изумленный Кристиан. Столь внушительный пакет акций мог обеспечивать ее до старости.

– Это означает, что наследники господина Гё будут в ярости, – с тонкой улыбкой поправила его Лоттар. – Акции – это ведь пассивный доход, на который они возлагали большие надежды. Не вызывает сомнений, что империя господина Гё будет утоплена за несколько лет. Вы и сами знаете, что в коммерции требуется все время оставаться на гребне волны.

– Вы опасаетесь судебных разбирательств?

– Я опасаюсь за свою жизнь. Сыновья господина Гё капризны и избалованы, они вполне способны натравить на меня... особых сотрудников.

Кристиан откинулся в кресле, задумчиво разглядывая Лоттар.

Она была бледной, темные волосы заколоты в тугий узел, черты лица невыразительные, нос прямой, а челюсть излишне тяжеловата. Густые черные брови хмурились, но вот глаза ее можно было бы назвать красивыми, если бы в них была хоть какая-то живость. Никогда прежде Кристиану не доводилось видеть столь закрытого человека, а ведь он считал себя неплохим физиогномистом.

– Вы очень откровенны, госпожа Лоттар, – признал он.

– Я всегда откровенна со своим нанимателем, – безо всякого выражения уведомила она.

– Мы еще ни о чем не договорились.

– Вы бы не стали тратить на меня свое время, если бы не намерены были договориться.

– Неужели вас не смущает столь быстрый переход на сторону врага старикана Гё? – не удержался Кристиан от вопроса, который терзал его с начала этой встречи.

– У мертвых нет врагов. – Лоттар натянула перчатки, словно полагая этот разговор законченным. – Вам этого не понять, господин Эрре, поскольку ваше состояние сколотил еще ваш прадед и вы очень трепетно относитесь к наследованию. Господин Гё вышел из низов, и ему всегда было плевать, что произойдет с компанией после его смерти. Он был далек от детей и никогда не заблуждался насчет их возможностей. Ему хотелось всего при жизни, таков он был. – И все-таки в ее лице что-то на секунду дрогнуло, а глаза затуманились. – «После моей смерти, Эльза, или беги как можно дальше, или встань под защиту кого-то достаточно сильного, кого-то, кому мои дети не осмелятся переходить дорогу» – так говорил мне господин Гё.

– И что же? – жадно спросил Кристиан севшим голосом. От мысли о том, что старик Гё считал его достаточно сильным, раз Лоттар находилась в этом кабинете, у него забило сердце.

– В моем кармане билет на поезд, который отправляется через два часа. – Она посмотрела на него в упор: – Должна ли я воспользоваться этим билетом?

Кристиан ответил ей не менее прямым взглядом.

– Вы должны понимать, госпожа Лоттар, что я не скоро подпущу вас к своим финансам. Расскажите мне, чем вы занимались у старика.

– Договорами с поставщиками в основном. Некоторыми консультациями в области торговой биржи и банковской сферы. Меня всегда интересовала эта часть коммерции больше, чем торговля.

– Почему же? – спросил Кристиан с любопытством.

– Потому что вложения – это деньги из воздуха, – прямолинейно ответила Лоттар.

Кристиан хмыкнул и задал еще один неприятный вопрос, который тоже его давно тревожил:

– Вы спали со стариком?

Ничего не изменилось в ее лице.

– Если я спала со своим предыдущим нанимателем, то должна буду это делать и с будущим? – уточнила Лоттар хладнокровно. – Вот уж не думала, что вас может заинтересовать эта сторона нашего сотрудничества. Учитывая перипетии вашей личной и семейной жизни.

Кристиан усмехнулся. Пока он следил за Гё, Гё следил за ним. Можно было не сомневаться в том, что Лоттар осведомлена обо всех тонкостях его «личной и семейной жизни».

Впрочем, о том, что жена выставила его из дома, не слышал в этом городе только глухой.

Кристиана действительно не волновала Лоттар с точки зрения ее сомнительных женских чар, но пробить брешь в ее броне очень хотелось бы. У всех есть слабые места, это Кристиан точно знал, и ему было любопытно, что скрывается за ледяным спокойствием этой девицы. Была ли она таковой от рождения или это результат работы на Гё? Что старик мог сделать с живым человеком, чтобы превратить его в бесчувственную куклу?

– Я думаю, что для начала мог бы выделить вам некий фонд, – задумчиво сказал Кристиан, – и посмотреть, как ловко вы черпаете деньги из воздуха. Разумеется, для человека ваших достоинств это довольно легкая задачка. Чтобы вы не скучали, я наделю вас некоторыми функциями своего персонального помощника.

Что тоже было провокацией. Персональный помощник – это было явным понижением после того, какой статус она занимала последние годы в Торговом предприятии Гё. Но Лоттар снова не дрогнула.

– В таком случае, – она поднялась с кресла, – мы встретимся с вами в понедельник. Сейчас же прошу прощения – это был непростой день. Кроме того, мне нужно уладить некоторые личные дела.

– Какие же? – вырвалось у Кристиана, прежде чем он успел подумать, что это не должно его волновать.

Лоттар отозвалась с откровенностью, к которой он даже постепенно начал привыкать:

– Полагаю, мне следует найти себе новое жилье, поскольку мое дальнейшее пребывание в доме господина Гё не представляется возможным. И, не мешкая, нанять себе телохранителя.

К вопросам собственной безопасности она относилась с максимальной серьезностью, отметил про себя Кристиан.

Разумеется, он знал, что она живет со стариком: за Лоттар последние годы плотно приглядывали его люди. Но то, что она не смущена этим и не пытается скрыть, казалось непостижимым.

– Если вам нужен человек подобного сорта, – вслух сказал Кристиан, – то я мог бы подобрать вам кого-нибудь из службы охраны грузов.

– О, не волнуйтесь на этот счет.

– Послушайте, госпожа Лоттар, – довольно сердито буркнул он, – вам не следует доверять тем, кто работал на Гё. Я бы не стал рассчитывать на их верность после смены хозяина.

– Я и не рассчитываю, – улыбнулась она. – У меня есть к кому обратиться.

«Откуда?» – удивился Кристиан. Лоттар не была похожа на женщину, которая водила столь сомнительные знакомства.

Впрочем, что он вообще про нее знал?

– Госпожа Лоттар, – окликнул ее Кристиан, когда она уже взялась за ручку двери. – Почему вы просто не уехали? С вашими деньгами вы могли бы прожить беззаботную жизнь, ни о чем не беспокоясь.

– Все дело в том, господин Эрре, что я не люблю убегать. – Она обернулась, и ее глаза блеснули искоркой веселья. А может, это был отблеск газового рожка. – И уж тем более я не люблю прятаться.

И она выскользнула из кабинета, аккуратно прикрыв дверь за собой.

Глава 4

Если бы Кристиана кто-то спросил, почему, избавившись от одной надоевшей ему женщины, он немедленно переехал к другой, он бы не нашелся сразу с ответом. Возможно, дело было в том, что он был человеком привычки.

Свою будущую жену Берту он любил примерно с шести лет. Она была наперсницей его детских игр, а потом, что закономерно, стала и супругой. Обе семьи благословили этот союз, и первые три года после женитьбы Кристиан даже хранил Берте верность.

Однако прекрасная танцовщица варьете Адель с ее роскошными формами и томными глазами одалиски породила в Кристиане такой ураган чувств, которых он никогда не испытывал к милой и доброй Берте.

Потратив на Адель едва не четверть наследства, Кристиан опомнился лишь тогда, когда его пригласил к себе поверенный семьи Эрре, мэтр Шварц, и спросил, какого, собственно, дьявола.

К тому времени у Адели уже был роскошный особняк. И самый лучший в городе выезд, и целый сейф с драгоценностями, и даже партия в театре, куда без денег Кристиана бывшую артистку варьете даже полы мыть не пустили бы.

Глядя на столбики цифр, которые начертал на бумаге мэтр Шварц, Кристиан физически ощутил, что его страсть растворяется точно так же, как растворялось его состояние.

Тем не менее он не покинул Адель, хоть и существенно снизил траты на нее, да и навещал куда реже и с меньшим пылом.

Берта относилась к этому увлечению философски. К тому времени у них уже родились Хельга и Исаак, и ее жизнь курсировала между детской, модными лавками и салонами, где можно было предаться сплетням. У Берты был покладистый и легкий характер, и в муже она скорее видела доброго друга, чем возлюбленного, что избавляло Кристиана от сцен ревности и упреков.

В противоположность ей Адель обладала холерическим темпераментом. Дурная актриса в жизни и на сцене, она была собой на спектаклях и изображала кого-то другого в жизни. Кристиан никогда не мог предугадать, какой вечер его ожидает – полный истеричных обвинений, холодной отстраненности или разнузданной постельной пошлости. Адель ревновала Кристиана к жене, к другим актрисам, к горничным и даже к собственным модисткам. Искжаясь от злости, ее лицо дурнело, и вместо томной одалиски являлась истинная фурия.

Не испытывая особой привязанности ни к одной, ни к другой женщине своей жизни, Кристиан утешался спокойствием Берты, утомившись от сцен, которые ему обеспечивала любовница, и наслаждался буйством Адели, когда тихая домашняя гавань вставала поперек горла.

То, что спустя пятнадцать лет брака Берта в один прекрасный день укажет ему на дверь, для Кристиана стало полной неожиданностью.

– Милый, – сказала она, педантично укладывая его рубашки, – твой образ жизни плохо сказывается на детях. Они ведь становятся все взрослее.

Кристиан попытался объяснить жене, что он немедленно изменит свое поведение и что Берте следовало сказать об этом раньше, но она лишь поцеловала его в щеку и сообщила, что ей надоел весь этот фарс.

Забавно, но появление на пороге любовника с чемоданом рассердило Адель.

– Что эта женщина себе воображает? – раздраженно скривилась она. – Ты ее законный муж! Кристиан, милый, ты не можешь уйти из собственного дома.

– Но ведь это тоже мой собственный дом, – пожал плечами Кристиан, которого изрядно веселило недовольство привыкшей к свободе Адели.

И если по отношению к Берте он всегда был безупречно вежлив, то с Аделью не особо церемонился, пресекая на корню все ее попытки испортить ему настроение. До этой поры она еще не сталкивалась с жестокой стороной своего покровителя, хорошо известной в деловых кругах, поскольку прежде Кристиана все устраивало. Однако теперь он не желал никаких выяснений отношений по вечерам, музицирующих гостей, шумных вечеринок, карточных игр, фейерверков и маскарадов. Он приходил из конторы слишком уставшим и раздраженным, а когда Адель смела ему перечить, то молча кивал на дверь, предлагая свободу выбора.

Так и получилось, что к своим тридцати семи годам Кристиан окончательно утратил всякие иллюзии относительно женщин. Любовные перипетии представлялись ему слишком обременительными, а хорошенькие юные чаровницы в его воображении обретали черты Адельфурии. Стоит ли завязывать отношения, пусть даже мимолетные, если в конце так или иначе будут ждать разочарование и скука?

На следующее утро Кристиан поднялся довольно поздно. Была суббота, а в этот день он позволял себе некоторую богемность. Адель все еще спала, и Кристиан завтракал в одиночестве, когда посыльный принес ему письмо от частного детектива, которого Катарина наняла, чтобы присмотреть за Эльзой Лоттар.

Согласно отчету, покинув его кабинет, Лоттар напрямик отправилась в дешевый бордель, который располагался в портовом районе (тут Кристиану понадобилась передышка, чтобы найти сигару и разжечь ее). Там она провела немного времени, коротко переговорив с одним из вышибал борделя (известным как Ганс-задира, скрупулезно пометил детектив). Портовый район они с Гансом покинули вместе, о чем-то дружелюбно беседуя. Дошли пешком до недорогой гостиницы на тихой улочке Маргариток, и...

«Прежде чем войти внутрь, данная девица огляделась по сторонам и напрямик направилась к вашему покорному слуге, – писал детектив. – «Достаточно таскаться за мной безо всякого дела, – сказала она, – лучше помогите с чемоданами. Уверена, господин Эрре не будет против».

Тут Кристиан снова выпустил бумагу из рук, потому что от вспышки хохота (а может, от слишком большой порции табачного дыма) у него слезы брызнули из глаз.

После чего все-таки дочитал отчет до конца.

Заплатив за гостиницу, все трое отправились ловить экипаж. Чемоданы нес детектив. Руки Ганса же должны были оставаться свободными, чтобы в случае необходимости выхватить револьвер («именно такое объяснение было получено от данной девицы. На мой вопрос, откуда у бордельного вышибалы оружие, девица ответила, что от нее»). Они доехали до центра города и вышли напротив здания, которое занимала компания «Эрре и сыновья». Здесь Лоттар невозмутимо поднялась по ступенькам и объяснила швейцару, что они с Гансом – новые сотрудники компании и им полагаются койки в крыле для мелких служащих. После чего предъявила допуск, подписанный Катариной Вернер.

Тут Кристиан от изумления пролил кофе.

Несколько лет назад он действительно организовал нечто вроде пансионата для клерков и продавцов, чей невысокий доход не позволял им снимать жилье. По правде говоря, он всего лишь слегка переоборудовал пустующее крыло здания, которое во времена его деда использовалось как склады. С тех пор обороты гораздо выросли, и склады переехали в портовый квартал, откуда продукция сразу поступала в лавки и магазины.

Об этом пансионате как о слишком гуманном нововведении зубоскалили все коммерсанты города, но Кристиану было плевать. Такое простое и дешевое решение обеспечивало ему верность мелких служащих получше небольшого повышения жалования. Сам Кристиан был в этом пансионате только однажды, когда контролировал ход ремонтных работ, но запомнил, что, по сути, это было скопление мелких холодных комнаток, похожих на монашеские кельи.

Два верхних этажа с отдельным входом занимали женщины, два нижних – мужчины. Между собой эти этажи не были связаны: чтобы пройти на женскую половину, нужно было миновать охранника, приставленного туда во избежание разврата.

Кроме того, пансионат располагался на внутренней территории за проходной, где служащие показывали свои жетоны, означающие принадлежность к компании.

С точки зрения безопасности это было хорошим решением.

С точки зрения удобств – ужасающим.

Никто, у кого в карманах водятся деньги, не решился бы жить в таких суровых условиях.

Деньги у Лоттар были.

Кристиан хмыкнул, признавшись себе, что ее мозги устроены каким-то невероятным образом, и тут же снова рассердился.

Маленькая дрянь – она посмела договориться с Катариной за его спиной.

И Кристиан придвинул к себе чистый лист бумаги.

Воскресные обеды у Анжело вместе с Бертой и детьми были неукоснительной традицией, которой оба супруга придерживались, перестав делить один кров.

Четырнадцатилетняя Хельга уже миновала стадию пухлых щек и острых локтей. Теперь это была уже почти девушка, которая изо всех сил сбрасывала с себя детские привычки.

Исааку исполнилось восемь, и, по правде говоря, Кристиан пока еще не понимал, что он из себя представляет. Болезненный и капризный, сын не внушал никаких надежд на яркое будущее, и это роднило Кристиана со стариком Гё.

Берта никогда не была особой красавицей, но всегда казалась Кристиану непостижимо милой. В простеньком синем платье и с мягкими золотистыми локонами вокруг круглого лица она неуловимо напоминала себя-девочку, и Кристиан с нежностью поцеловал ее руку.

– Прекрасно выглядишь, дорогая, – искренне сказал он.

Она фыркнула:

– А вот ты запустил себя, милый. Тебе давно пора подстричься.

Владелец ресторана Анжело, щедро улыбаясь, подскочил к ним и принялся нахваливать свои блюда.

– Сегодня нам понадобятся приборы еще на одного человека, – предупредил его Кристиан.

Берта удивленно вскинула брови, но не успела ничего спросить, потому что пунктуальная Эльза Лоттар уже приближалась к их столику.

На ней был невыразительный серый костюм с черной траурной повязкой на рукаве. Черная же брошь на высоком воротнике-стойке. Никаких других украшений.

– Добрый день. Меня зовут Эльза Лоттар, – мягко сказала она и бросила короткий взгляд на Кристиана. – Полагаю, что я помощник семьи Эрре?

Он снова восхитился тому, с какой нечеловеческой скоростью она соображала.

У Кристиана мог быть только один повод, чтобы пригласить ее на семейный обед, и Лоттар все поняла совершенно верно. Не персональный помощник Кристиана, но хуже. Он отдаст ее на съедение собственным детям и Берте – будет знать, как проявлять излишнюю инициативу.

Берта с недоумением посмотрела на мужа:

– Эльза Лоттар? Та самая Эльза Лоттар?

– Подстилка старикана Гё, – вдруг громко уведомил всех Исаак.

Хельга со жгучим интересом уставилась на девицу, но тут же отвела глаза. Ничего подстилочного в девице не было.

– У вас хороший слух, господин Эрре, – разбила оглушительную тишину Лоттар и села на свободный стул, мимолетно улыбнувшись Исааку.

Берта густо покраснела.

– Понятия не имею, где он этого нахватался. Уверяю вас, в своем доме мы никогда не обсуждали вас в подобном ключе.

– Могу себе представить, – ровно отозвалась Лоттар.

– За вашей спиной маячит какой-то мужчина, – предупредила ее Хельга.

– О, это Ганс. Мой телохранитель.

– У вас есть телохранитель? – тут же спросил Исаак. – Он охраняет ваше тело?

– Именно так, господин Эрре.

– Но от чего?

– Дело в том, что меня, возможно, хотят убить, – просто объяснила Лоттар.

Тут уже все устали на нее с интересом.

Кристиан махнул рукой, требуя себе еще кофе.

Хотя лучше бы виски, конечно.

– Что за человек хочет вас убить? – восторженно спросил Исаак.

– Возможно, это два человека.

Кристиан никогда прежде не видел такого восхищения на лице сына.

– Кажется, это неподходящая тема для обеда, – рассердившись от этого восхищения, сказал Кристиан.

– Ну что ты, – возразила Берта, – это самая интересная тема за долгое время.

– Прошу прощения, – опустила глаза Лоттар, – я не сильна в разговорах за обеденным столом. Господин Гё предпочитал есть в полнейшей тишине.

– Это правда, что он мог за целый день не произнести ни слова? – с интересом спросила Берта.

– Однажды он молчал целую неделю.

– Но как же его понимали?

– Это просто: ты всего лишь делаешь все как надо. Если совершишь ошибку, то господин Гё непременно заговорит, чтобы указать на нее.

«Целую неделю, – подумал Кристиан, – Лоттар все дела вела правильно».

– Отчего же он заговорил? – спросила Берта.

– От икоты. Господин Гё сказал: «Черт бы побрал эту изжогу!»

Исаак захихикал.

Хельга едва заметно поморщилась – это тоже было слишком для воскресного обеда.

Им принесли восхитительную оленину, и на некоторое время за столом воцарилось молчание.

– Что значит – помощник семьи Эрре? – спросила наконец Хельга.

– Это значит, что вы можете обращаться ко мне за помощью по любым вопросам, – ответила Лоттар. – Я здесь, чтобы решить все ваши затруднения.

– Но вы же все расскажете папе! – возмутился Исаак.

– Это зависит от ситуации, господин Эрре, – подумав, проговорила Лоттар. – Некоторые затруднения настолько мелкие, что из-за них нет смысла тревожить вашего папу. А некоторые, разумеется, потребуют его пристального внимания.

«Пиф-паф, – сказал себе Кристиан, – выстрел в упор».

Если он обвинит Лоттар в сговоре с секретарем Катариной, то она ответит, что просто не захотела отвлекать его на такие мелочи.

– Я бы предпочел быть в курсе любых ситуаций, – холодно уведомил он.

Она наградила его не менее холодным взглядом:

– Ну разумеется.

– А вас не будут убивать прямо сейчас? – спросил Исаак. – Мне бы хотелось дожидаться десерта.

Лоттар обернулась и посмотрела на Ганса. Это был молодой мальчишка, наверное, ее ровесник. На нем был новенький костюм, в котором ему было явно неудобно. Простодушное лицо не внушало ни малейшего доверия: именно с таким лицом человек мог ограбить тебя на безлюдной дороге. В голубых прозрачных глазах этого молодчика не светилось ни единого проблеска мысли, но Кристиан ни за что не поверил бы, что Лоттар могла нанять для своей защиты идиота.

– Если и будут, то Ганс вас защитит, – твердо заверила его сына Лоттар, – вы обязательно получите свой десерт.

– Он же защищает ваше тело, а не мое.

– Ну, а я служу вам, – она улыбнулась, – значит, и Ганс служит вам тоже.

– Боже, – прошептала Берта, – у меня мурашки по коже. Где Гё вас нашел?

– Я сама к нему пришла, – коротко пояснила Лоттар, явно не желая углубляться в эту тему.

– И вы понимаете во всем этом... ну, в финансах? – заговорила Хельга. – Мама говорит, что цифры – это не для женского разума.

– Правда?

– Берта верит в классическое воспитание, – пожал плечами Кристиан.

– Он вами просто одержим, – предательски прошептала Берта. – Однажды Кристиан даже пошел на праздничный вечер Торгового предприятия, чтобы предложить вам работу у него.

Такого удара Кристиан от нее не ожидал, и теперь ему стало вязко и неловко.

Он помнил тот вечер – это было около десяти месяцев назад. Старикан Гё от души повеселился за его счет. «Мальчик мой, – язвил он, – ты пришел посмотреть на действительно успешную компанию? Не стесняйся, ешь и пей за мой счет. Однажды и ты сможешь себе позволить такой праздник».

Все эти унижения были напрасными: Лоттар в зале не было. Кристиан перехватил секретаря старика и спросил его:

– А где же помощница Гё?

– Эльза? – Корбл так удивился, как будто услышал несусветную глупость. – Что ей тут делать? Она же для работы, а не для веселья.

Почему-то это показалось жестоким даже несклонному к сантиментам Кристиану.

– Ах вот почему вы пришли, – безо всякого удивления сказала Лоттар, – это было весьма кстати, вы подняли господину Гё настроение. Оно было очень скверным из-за того, что пришлось выбросить столько денег на какое-то торжество.

– Он был тем еще скрягой, – с облегчением поддержал эту тему Кристиан, радуясь, что она не заострила внимания на словах Берты про одержимость.

– В этом мы с господином Гё похожи, – призналась Лоттар. – Я тоже очень не люблю тратить деньги попусту.

– Я заметил, – кивнул Кристиан. – Как вы устроились в пансионате?

– Неплохо.

– В папином пансионате? – воскликнула Хельга. – Но там же живут только распоследние бедняки!

– О, моя госпожа, вы и понятия не имеете, где живут распоследние бедняки, – с легкой улыбкой возразила Лоттар.

– Однажды мы с мамой были в сиротском приюте, – вспыхнула Хельга. – Приносили туда библии.

Кристиану показалось, что Ганс за их спинами фыркнул, но когда он посмотрел на него, то на простоватом лице не было никакого выражения.

– Эти бедные дети, у которых нет ни настоящего, ни будущего, – вздохнула Берта. – Судьба не дала им и шанса.

Лоттар утешительно покачала головой:

– Ваши библии, безусловно, изменили жизнь этих детей к лучшему.

Со стороны Ганса слышалось сдавленное покашливание.

На лице Эльзы Лоттар не отражалось ничего.

Глава 5

В понедельник Кристиан намеренно предоставил Лоттар заботам одного из служащих, ворчливого Дитмара Лонге, доставшегося ему еще от отца. Это был невзрачного вида сутулый человек, неразговорчивый и нелюбезный. Как и многие другие сотрудники компании, к появлению подстилки старика Гё он отнесся неодобрительно – Катарина исправно передавала Кристиану пересуды и настроения, царящие в конторе.

Подобные мелочи мало волновали Кристиана, но ему было интересно, как Лоттар будет с ними справляться. Для начала он разместил ее в пыльном и крохотном кабинете, вход в который располагался в другом крыле здания. Правда, он соотносился с кабинетом Кристиана общей комнатой, из которой было весьма удобно подслушивать, – маленькие отцовские прихоти.

Протянув время до самого обеда, Кристиан наконец попросил Катарину пригласить к нему Лоттар.

– У нее сейчас посетитель, – предупредила его та. – Прервать их встречу?

– Кто?

– Анна Гё.

Это было неожиданно – Кристиан был уверен, что дети покойника не захотят иметь с Лоттар никаких общих дел, после того как выяснится, что банковские акции принадлежат ей. Однако дочь старика примчалась с неприличной для скорбящей скоростью. Значит, известия о новой службе Лоттар уже достигли любопытных ушей. Учитывая, что об этом знали только Кристиан и его семья, выходило, что Лоттар сама уведомила детей Гё о переменах в своей жизни. Возможно, хотела предупредить наследников, что перешла под защиту компании Эрре.

Кристиан проворно вернулся в свой кабинет, подвинул китайскую ширму и прошел в комнату для подслушивания. Ему не терпелось узнать, что понадобилось Анне Гё.

Ее голос был столь громким, что казалось, будто между ними вообще нет никакой стены.

– Сто гульденов в месяц – против тысячи, которые платил мне отец. Это уму непостижимо!

– Я никак не могу повлиять на ваших братьев, госпожа Анна, – ровно ответила Лоттар. – Они вольны назначить вам такое содержание, которое посчитают нужным. Насколько я понимаю, такова воля вашего отца.

– Мерзавец, – с негодованием отозвалась Анна. – Вся моя семья – сплошные мерзавцы.

– Боюсь, что я ничего не могу для вас сделать.

– Прекрасно можете – просто отдайте мне часть своих банковских акций.

От такой наглости даже у Кристиана злость всклокотала в горле, и ему стало ужасно жаль, что он не может видеть сейчас выражения лица Лоттар. Однако ее голос остался неизменно спокойным.

– Не вижу ни единой причины, госпожа Анна, по которой я могла бы исполнить эту просьбу.

– Что значит – не видите? Напомнить вам, как вы оказались в доме моего отца? Кроме того, вы приобрели эти акции на деньги моей семьи.

– О, вы плохо знаете отца, – с легкой иронией проговорила Лоттар, – если думаете, что он потратил бы на меня деньги своей семьи.

– Все, что у вас есть, – это деньги моей семьи.

– Не думаете же вы, что вам и жалование мое принадлежит?

– Все это неважно, – утомленно проговорила Анна, – важно то, что я не могу остаться без денег.

Молчание стало столь долгим, что Кристиан заподозрил, что Лоттар просто задушила Анну собственными руками. Заговорила она весьма нескоро.

– Давайте начистоту, моя госпожа. Вы ведь не настолько безрассудны, чтобы спускаться на ветер все, что платил вам отец. У вас наверняка есть сбережения.

– Но их не хватит на всю мою жизнь.

– Мы могли бы инвестировать, – мягко и тихо предложила Лоттар.

– Ни за что! – вскричала Анна. – Это слишком ненадежно.

– Это все, что я могу вам предложить.

– Как отец мог отдать меня в ваши руки, – простонала Анна.

– Возможно, он сделал это, чтобы дать вам независимость, – все так же мягко заметила Лоттар. – Если бы он просто оставил вам денег, ваши братья непременно бы нашли способ вас от них избавить. Не беспокойтесь, я позабочусь о вас.

– После всего, что я вам причинила? – раздался недоверчивый возглас Анны.

И тут Кристиан услышал негромкий смех. Он даже не сразу понял, что этот легкий перезвон принадлежит Лоттар.

Замерев от необычности происходящего, он почувствовал неловкость, как подросток, который подглядывает за переодевающейся горничной. Кристиан вдруг спросил себя, чем он вообще занят и почему ему столь интересны дела Лоттар.

Объяснение тут же нашлось: у него на эту особу слишком большие планы, поэтому он должен понять досконально, из чего она состоит. В конце концов, он собирается доверить ей самое святое – свои финансы.

– Однако, – услышал Кристиан веселое замечание Лоттар, – после всего, что вы мне причинили, вы сочли возможным обратиться ко мне за помощью.

– Этот ваш громила...

– Ганс.

– Отец уже вышвырнул его из дома.

– Ваш отец умер, госпожа Анна.

– Недолго вы грустили по этому поводу.

Еще один мелодичный смешок.

– Вы же знаете, что меня такими упреками не пронять.

– Вас ничем не пронять, Эльза, – раздраженно фыркнула Анна. – Ни гордости, ни самоуважения. Только посмотрите, какой жалкий кабинет вам предоставил этот Эрре. Снова начнете ползти вверх с самого низа? Впрочем, я за вас не волнуюсь – через несколько лет и этот хозяин начнет есть с ваших рук.

– Ну, разумеется, – бесстрастно подтвердила Лоттар, и Кристиан невольно восхитился ее самоуверенностью.

После этого Анна наконец ушла, высокомерно сообщив, что подумает над предложением об инвестировании.

Поразмыслив несколько минут, Кристиан толкнул неприметную дверь, ведущую в кабинет Лоттар.

К его потрясению, он нашел ее стоящей на подоконнике с тряпкой в руках. Окна были распахнуты, и она преспокойно мыла стекла, закатав рукава строгого платья.

Услышав его появление, Лоттар оглянулась и едва заметно вздрогнула, но тут же совладала с собой и вежливо улыбнулась.

– Что вы, ради бога, делаете? – изумился Кристиан.

– А на что это похоже? – парировала она и вернулась к своему занятию.

Они находились на третьем этаже, но это ее мало волновало.

Кристиан удержал в себе порыв стащить ее с подоконника на пол и огляделся.

Пыли здесь больше не было, кабинет блистал чистотой. Учитывая, что уборщицы приходили вечером после окончания рабочего дня, сомневаться в том, кто привел все в порядок, не приходилось.

В общем, это было куда разумнее, чем провести весь день среди пыли, но довольно необычно. Кристиан ожидал жалоб или требований, а вовсе не спокойной уборки.

– Скажите мне, что вы собираетесь разорить Анну Гё, – сказал он, развалившись в кресле.

Лоттар не возмутилась его подслушиванию и ответила со свойственной ей честностью:

– Мне бы очень этого хотелось, но я пообещала господину Гё приглядеть за его дочерью. К тому же неудачные инвестиции пагубно отразились бы на моей репутации. У человека моего положения, кроме нее, и нет ничего.

– У вас весьма сомнительная репутация, – не удержался Кристиан.

Она хмыкнула и спрыгнула на пол.

– То, что говорят обо мне в вашей компании, не составляет и десятой доли того, что говорили в Торговом предприятии Гё.

– В чем ваша цель, госпожа Лоттар? К чему вы стремитесь?

– К независимости, – ответила она. – Однажды я стану такой богатой, что пошлю весь этот мир к чертовой матери. И таких, как вы, в первую очередь.

– Это каких? – ухмыльнулся Кристиан.

Ему импонировала ее прямота.

Это позволяло и самому не слишком церемониться.

– Таких, кто родился с серебряной ложкой во рту. Господин Гё, по крайней мере, всего в жизни добился сам.

– Я переживу сравнение в пользу покойника.

Лоттар закрыла окно и оглянулась на него.

– Но до тех пор я буду вашим верным союзником, – заверила она с легкой улыбкой. – Хочу заметить, что мелкие уколы вроде пыльного кабинета или подчинения вашим детям меня мало тревожат. Вам придется изрядно потрудиться, чтобы и в этом не проиграть сравнение с покойником.

Кристиан от души расхохотался.

– Что же, госпожа Лоттар, давайте поговорим о фонде, который я вам предоставлю, – с удовольствием сказал он. – Для начала я намерен выдать вам десять тысяч гульденов.

Ее брови взметнулись вверх, и в глазах вспыхнул охотничий азарт.

– Я начинала с двух гульденов в неделю, – заявила Лоттар с усмешкой. – Теперь посмотрим, куда нас заведет это приключение.

Смесь возбуждения и холодного расчета на ее лице показалась Кристиану обворожительной и отталкивающей одновременно.

Чтобы понимать, что происходит в городе, Эльзе требовалось не просто много информации, а очень много информации. Приходилось учитывать все – отношения в семьях интересующих ее компаний, их личные финансы, погоду, моду, любовников и любовниц, ситуацию на рынке, урожай или неурожай в провинциях, сплетни, открытие новых лавок и магазинов или закрытие старых.

После того как она перестала сама болтаться в порту, на базарах и торговой бирже, Эльза начала создавать свою сеть информаторов. Она даже приплачивала владельцам некоторых борделей за то, чтобы шлюхи задавали определенные вопросы некоторым клиентам.

Господин Гё поначалу насмеялся над подобной тактикой, но со временем начал признавать за ней пользу.

Признал он и то, что Эльза способна сплести все данные воедино и сделать довольно верные выводы и прогнозы. Он говорил, что у нее голова устроена как осьминог. Щупальца тянутся во все стороны.

Немало Эльзу выручали и хорошая память, и любовь к деталям, и нечеловеческая вьедливость.

И хотя время от времени ее постигали неудачи – иногда довольно сокрушительные, – Эльза не унывала и не складывала все яйца в одну корзину. Только дважды она ставила все, чем владела, но в обоих случаях этому предшествовала очень тщательная подготовка.

Покупка банковских акций была одним из этих случаев. Тогда Эльзе пришлось ввязаться в долги, а Ганс выпрашивал займы медяки у всех выходцев из приюта, у которых и без того в карманах гулял ветер. Но иногда и от бедняков бывает польза. Если, конечно, их наберется достаточно много.

Они едва-едва собрали нужную сумму, но Эльзе и в голову бы не пришло просить денег у господина Гё.

Достаточно того, что она прикрылась его именем перед акционерами. Впрочем, его только позабавило это пускание пыли в глаза.

Распроставшись с господином Эрре, который, как оказалось, развлекал себя ребячливым подслушиванием, Эльза позвала Ганса и дала ему ряд заданий. Он прекрасно курировал всех информаторов и легко находил общий язык со всякими контрабандистами и прочим сомнительным сбродом, обращаться к которым богачам и в голову бы не пришло.

Уткнувшись в бумаги, Эльза отрешилась от всего мира, когда в дверь ее кабинета снова постучали.

– Да это же проходной двор, – удивилась она и обнаружила за порогом мальчика-посыльного с короткой запиской от некой госпожи Фабер, хозяйки магазина готового платья. Она просила срочно прийти к ней, поскольку дело касается Хельги Эрре.

На вчерашнем обеде девочка выглядела так, будто глубоко презирает Эльзу, и оставалось надеяться, что этот неожиданный вызов не был связан с необходимостью нести шляпные коробки или что-нибудь в этом роде.

Эльзе не слишком хотелось покидать компанию без сопровождения, но она сама отослала Ганса, а обращаться за помощью к господину Эрре казалось обременительным.

За годы работы на Абельхарда Гё Эльза выяснила о Кристиане Эрре все. Он содержал красотку-танцовщицу, никогда не посещал борделей, а дела вел осторожно, предпочитая не рисковать понапрасну. В то же время он ввел ряд необычных новшеств, что говорило о широте его взглядов.

Она знала мельчайшие подробности его биографии, но понятия не имела, что же представляет собой этот человек. Склонен ли он к жестокости, порокам, хитрости и лжи? Или просто осторожен, как все дельцы?

«Жизнь – это череда компромиссов», – рассуждала Эльза, покидая компанию Эрре. Она торопливо взяла экипаж и направилась по указанному в записке адресу, но заплатила вознице, чтобы он зашел с ней внутрь во избежание возможной ловушки.

Однако внутри магазина было лишь несколько продавщиц, бледная, но с вызывающим видом Хельга Эрре и госпожа Фабер, с которой Эльза, разумеется, уже была знакома – как и с многими другими торговцами города.

– Эльза, дорогуша, – на правах старушки госпожа Фабер позволяла себе некоторые вольности, – как я рада вас видеть. Там, где вы, всегда порядок. Редкое свойство для столь юных девиц. Я так сочувствую вашей потере. На таких, как Абельхард, стоит этот город.

– Так что у вас здесь случилось? – не желая поддаваться чужому многословию, скупой спросила Эльза.

Госпожу Фабер такая сухость ничуть не обидела.

– Эта девочка пыталась меня обворовать, – шепнула она. – Я уж думала вызвать полисмена, но она сказала, что вы можете за нее поручиться. Я очень удивилась такому повороту в

вашей судьбе – быстро вы сменили окраску, моя дорогая. Нет-нет, я вас вовсе не осуждаю. В наше время хочешь жить – умей быть гибкой.

– Я известна своей гибкостью, моя госпожа, – с усмешкой ответила Эльза. – Полагаю, деньги нам тут не помогут. Что я могу для вас сделать?

– Заказ на пошив одежды для продавщиц компании Эрре меня бы очень обрадовал, моя дорогая.

– Эта девочка того не стоит, – холодно возразила Эльза. Хельга посмотрела на нее с откровенной ненавистью.

– Ах, что вы говорите! – воскликнула госпожа Фабер. – Единственная дочь Кристиана Эрре!

– Между нами говоря, он даже не живет с ее матерью. – Теперь Хельга пошла красными пятнами.

– И не напоминайте, такой скандал!

– Госпожа Фабер, один магазин, но самый доходный. Это все, что я могу вам предложить.

Эльза вовсе не была уверена, что Эрре позволит ей и это. Но признаваться в том, какое ничтожное влияние она на него имеет, было невыгодно – госпожа Фабер была отъявленной сплетницей.

– Ах, девочка, узнаю науку Абельхарда. Вы не намерены попусту расстаться ни с одной монеткой, правда? – рассмеялась хозяйка магазина.

– Правда, – согласилась Эльза. – Я как цепной пес, охраняющий капиталы своих нанимателей.

– Как бы я хотела рассказать о вашей подлости папе, – прошептала Хельга, когда они покинули магазин.

Угрюмый возница топтался за их спинами.

– Хотите чаю с пирожными, моя госпожа? – вежливо спросила ее Эльза.

Анна приучила ее к тому, что дочери хозяев то и дело отвечают неблагодарностью на добро.

– Как вы посмели сказать такое про маму!

– Значит, я провожу вас домой.

Хельга мрачно уставилась на нее:

– Вы даже не спросите, почему я так поступила? Не прочитаете мне нотацию?

– Мне нет никакого дела до вашего поведения, – пожала плечами Эльза. – Полагаю, вашим воспитанием заняты ваши родители. Именно поэтому вы отправили за мной, а не за ними – чтобы избежать нотаций.

– Моим родителям нет до меня никакого дела!

– Однако это вовсе не повод попадать в неприятности, не так ли? В неприятностях нет ничего хорошего – одни нервы и хлопоты. Я бы на вашем месте заняла свое время чем-то более интересным.

– Это, например, чем?

Эльза задумалась. Она понятия не имела, чем можно заполнить детство, если не приходится выживать и работать.

– Не знаю, – искренне произнесла она, хмурясь. – Как проводят время девочки вашего положения? За музицированием? Вышивкой?

Хельга презрительно скривила губы.

– Если уж вы так хотите сделать карьеру воришки, – добавила Эльза, – то я могу вас познакомить с профессионалами. Это никуда не годится – быть пойманной на краже чулок, которые вам даже не нужны.

Хельга, открыв рот, уставилась на нее:

– Господи боже, где папа вас раскопал?

Глава 6

Кристиан не стал предупреждать Анну Гё о своем визите, поскольку был уверен, что она его в любом случае примет.

Так и случилось.

Она появилась в гостиной довольно быстро, строгая, облаченная в черное, красивая и в то же время лишенная той силы духа, которым был славен ее чертов папаша.

– Господин Эрре, – произнесла Анна с печальной, приличествующей трауру улыбкой, – ваш визит не удивил меня. Я так и думала, что вы захотите поговорить с кем-то из нашей семьи. Правда, обычно мужчины предпочитают иметь дело с мужчинами.

– Мне показалось, что вы близки с госпожой Лоттар.

Она усмехнулась:

– Это лишь свидетельствует о том, сколь мало вы ее знаете. Так что же, вы хотите рекомендаций? Это лучше к Корблу. Он едва не выдрал себе последние волосы, когда мои братья рассчитали Эльзу.

– Госпожа Лоттар не нуждается в рекомендациях, – равнодушно ответил Кристиан, – но у меня есть вопросы.

– Разумеется, они у вас есть, – с легкой иронией протянула Анна. – Но неужели Эльза настолько ценный сотрудник, чтобы вы задавали их лично?

– Это потому, что вопросы мои как раз носят личный характер.

– Вот как, – с явным удивлением проговорила Анна и при этом явно занервничала.

– Какой вред вы причинили госпоже Лоттар в прошлом? – напрямик спросил Кристиан. Он порой предпочитал бестактность – это приводило его собеседников в растерянность. Особенно дам, привыкших к лицемерной вежливости в обществе, и Лоттар с ее тяжеловесной прямотой приятно отличалась от многих, с кем Кристиан водил знакомство.

– Как вы смеете, – лицо Анны пошло безобразными пятнами. – С чего вы взяли... Это было трагическое стечение обстоятельств! Неудачная шутка. В любом случае все обошлось, а замужество Эльзе и без того не светило... А что теперь она и не выйдет, так невелика потеря... Это не ваше дело, господин Эрре, – спохватилась Анна, – вы хотели узнать о деловых качествах Эльзы? Она ответственная и честная, никогда не укусит руку, которая ее кормит. А теперь прошу оставить меня в моем горе.

Вышел Кристиан из этого дома в глубокой задумчивости.

Что Анна могла сделать Лоттар такого, чтобы навечно оставить ее в старых девах?

Не успел Кристиан покинуть экипаж, который остановился возле его компании, как столкнулся с самой Лоттар. К его удивлению, она была без телохранителя.

– Вы куда-то выходили? – холодно спросил Кристиан.

– Да, у меня были дела в городе.

– Послушайте, госпожа Лоттар, – раздраженно проворчал Кристиан, – я вам плачу вовсе не за то, чтобы вы разгуливали неизвестно где среди бела дня.

– Не беспокойтесь об этом, – невозмутимо откликнулась Лоттар.

Ее наглость просто не имела пределов. Кристиан открыл было рот, чтобы дать ей отповедь, но в эту минуту ко входу в компанию подошел посыльный с траурным венком.

– Это еще что? – неприятно поразился Кристиан, увидев на черных лентах собственное имя.

– Здесь записка, – со смешком заметила Лоттар. – Как необычно – писать покойнику.

– Вы находите это забавным? – рассердился Кристиан.

– Кажется, вы скорее живы, чем нет. – Лоттар развернула записку и присвистнула, словно уличный мальчишка.

– Что там? – поторопил ее Кристиан.

– В смерти Кристиана Эрре прошу винить Эльзу Лоттар, – прочитала она весело.

– Что за дьявол?

– Это угроза, господин Эрре, – любезно подсказала Лоттар.

– Да неужели? – язвительно процедил Кристиан. – Собираетесь меня прикончить?

– Я бы, – в ее голосе проступила надменность, – не стала уведомлять вас заранее.

– Разберитесь с этим, – недовольно велел Кристиан. – Жду вас вечером в своем кабинете. Лоттар коротко кивнула.

Остаток дня был съеден обычными хлопотами. Кристиан съездил в порт, чтобы лично проследить за прибытием груза. Потом заехал на склад к возможному поставщику – обговорить детали сотрудничества. В компанию он вернулся уже после того, как контора начала пустеть, и застал Лоттар в приемной. Она сосредоточенно изучала газеты трехлетней давности.

– Немного отстали от жизни? – съехидничал он, нависая над ней. Она подняла к нему голову – черты ее лица были резкими и простоватыми. Ни вздернутого носика, ни игривых веснушек или завитушек – ничего фривольного.

Катарина уже ушла – по понедельникам у нее были дела вне конторы, – и на этаже они были вдвоем, если не считать телохранителя Лоттар, маячившего у двери.

– Подумываю выкупить дело семьи Леманн, у них лавки с пряностями, – ответила Лоттар, – но точно помню, что несколько лет назад с этим семейством был какой-то скандал.

– Для чего вам пряные лавки? Прибыли от них немного, а хлопот достаточно.

– Поговаривают, что правитель Канагаи Бенедикт III собирается пересмотреть торговые отношения с нашей страной. Можно попробовать стать единственным поставщиком канагайских пряностей в городе.

– Канагая? – нахмурился Кристиан. – Крохотная страна на Востоке, где культ святой Гиацинты?

– Выдающаяся была женщина, – кивнула Лоттар и вернулась к газетам. – Что же было не так с Леманнами?

– Вы узнали, кто прислал мне похоронный венок? – перебил ее Кристиан.

– Загадочная дама в густой вуали. Венок был куплен в похоронной конторе «Роскошное прощание» – если вас это утешит, то там весьма дорого. Ваш недоброжелатель на вас не экономит. О том, что я перешла к вам на службу, знают только дети господина Гё и ваши служащие. Но наследники об этом были уведомлены еще в субботу, а здесь я была представлена лишь этим утром.

– Как вы уведомили Гё?

– Написала Корблу, мы с ним в некотором роде приятельствуем. Среди тех, кто на вас работает, сегодня днем никто не покидал компанию. Катарина, Дитмар Лонге и Конрад Браун отправляли с поручениями посыльных. Катарина покупала цветы и драгоценности для госпожи Адель, у нее сегодня премьера в театре. Лонге и Браун передавали ежедневные распоряжения в лавки и магазины. Все посыльные найдены и опрошены. Все они отрицают, что были какие-то записки сверх того, что я назвала.

– Вы многое успели, госпожа Лоттар, – признал Кристиан.

– Это Ганс, – она махнула рукой в сторону телохранителя, – у него великий дар убеждения. Люди всегда отвечают на его вопросы.

– За что старик Гё вышвырнул его из дома?

Лоттар снова на него посмотрела.

Казалось, она раздумывала над ответом.

– За то, – ответила она неспешно, – что Ганс поднял руку на старшего сына господина Гё, Колмана.

– Даже так?

Кристиан оглянулся на телохранителя. С таким видом, будто разговор его вообще не касался, он разглядывал портрет Берты на стене.

– Ганс очень предан мне, – пояснила Лоттар, – он с трудом переносит, когда меня обижают.

– В таком случае вам повезло. Преданность в наше время дорого стоит, – нейтрально проговорил Кристиан, а Лоттар воскликнула:

– О, вот оно! Госпожа Саттон обвинила Леманнов в том, что их пряности ненадлежащего качества. Якобы это испортило ее прием.

Лоттар проворно и без всякого смущения выдрала нужную ей страницу, сграбастала кипу газет в охапку и встала.

– Если я вам больше не нужна сегодня... – начала она, и тут в приемную вбежал какой-то мальчик в наряде театрального служащего.

– Господин Эрре, – воскликнул он, – скандал! Госпожа Адель отказывается выходить на сцену.

Кристиан взглянул на часы – шесть с четвертью. До начала спектакля оставалось меньше часа.

– С чего бы вдруг ей отказываться?

– Мы ставим «Фабиану», – выпалил мальчик, – в последнем акте героиня появляется простоволосой, босой и в ночной рубашке. Но госпожа Адель не желает представлять перед зрителями без прически, платья и туфель.

– Никто не ходит топиться в туфлях и прическе, – вдруг заявил Ганс. Это было впервые, когда он заговорил. Кристиан смерил телохранителя внимательным взглядом – ничто не выдавало в нем завязанного театрала.

– Госпожа Лоттар, за мной, – велел Кристиан. Та снова уронила газеты на столик и с явной неохотой подчинилась.

– Я ничего не смыслю в театре, – пояснила Лоттар в экипаже, – никогда в жизни там не была.

– Понятное дело. Корбл однажды мне сказал, что вы для дела, а не веселья. По мне, так довольно безжалостно.

– Но это правда, – в ее голосе звучали едва не жалобные нотки.

– Отчего вы так взволнованы, госпожа Лоттар?

– Оттого, что в области искусства я не являюсь компетентной, это лишает меня опоры.

Кристиан, скрестив руки на груди, откинулся на сиденье.

Во взволнованной Лоттар проступало что-то трогательное.

– Не нужно разбираться в искусстве, чтобы образумить одну капризную особу, – пожал он плечами. – Адель пытается меня разозлить ровно в той степени, чтобы я вернулся к Берте, но не оставил ее без содержания.

– Если вы знаете, чего она добивается, то почему не идете навстречу?

– Потому что я никогда не делаю того, чего от меня ждут.

Лоттар улыбнулась ему с пониманием.

– Откуда вы знакомы с этим Гансом? – спросил Кристиан.

– Он был воспитанником приюта, которому господин Гё оказывал помощь.

– Никогда бы не подумал, что старикан способен к благотворительности, – удивился Кристиан.

– Да, – рассеянно согласилась Лоттар, – это не в его стиле. Я долго размышляла об этом – возможно, здесь было что-то личное. Возможно, он сам рос в подобном приюте.

– Значит, Ганс – сирота, – сказал Кристиан. – Люди, не знающие собственных корней, не способны к глубокой привязанности и не отличаются особой порядочностью, имейте это в виду. У них нет чувства долга и ответственности. Посмотрите на старика Гё – ему было безразлично, что станет с Торговым предприятием после его смерти. Он не подготовил сыновей и не приучил их к делу.

Лоттар, склонив голову набок, непроницаемо смотрела на Кристиан.

– Спасибо за предупреждение, – ровно сказала она. – Я учту ваше мнение.

В театре стоял переполох.

Кристиан уверенно провел Лоттар узким коридором, миновав толпящихся актеров, и вошел в гримерку Адель.

Хозяин театра, Монморанс, встретил его едва не со слезами.

– Господин Эрре, – вскричал он пылко, – это невозможно, невозможно! Фабиана в туфлях – это преступление против драматургии.

– Ступайте, выпейте чаю, – посоветовал Кристиан и приблизился к Адели.

Она сидела перед трюмо – вызывающая, упрямая, злая.

– И чего ты добиваешься? – спросил Кристиан. – Хочешь вернуться в варьете?

– Если бы ты ценил меня, – зло ответила Адель, – и давал Монморансу достаточно денег, то Фабиана могла бы топиться хоть в монашеской рясе, хоть в бальном платье. Тогда бы все видели, что я имею значение. Это бы производило впечатление. А ты же...

И ее лицо скривилось от такого отвращения, что Кристиан понял: с него довольно.

Он слишком затянул эту докучливую связь, желая избежать новых скандалов.

Но Адель не умела без скандалов.

– То есть, – сухо проговорил Кристиан, – я должен платить Монморансу больше, лишь бы ты не покинула меня? Дорогая, ты столько не стоишь.

– Вот ты и показал свое истинное лицо! – с гневом вскричала Адель. – Я надоела тебе много лет назад, Кристиан, ты холоден, будто рыба. Ни пыла, ни огня, ни страсти!

Адель была столь нелепа в этой пафосной трагичности, что Кристиан не удержался от смеха.

– Я холодный делец, моя дорогая, и ты об этом прекрасно осведомлена. Если тебе нужны пылкие любвеобильные донжуаны, сошедшие со страниц пошлых женских романов, то ты напрасно потратила на меня столько лет... Госпожа Лоттар!

– Да, господин Эрре? – спокойно отозвалась она.

– Найдите Монморанса, предложите ему столько, сколько потребуется.

– Да, господин Эрре.

Адель удовлетворенно улыбнулась, однако хищной ярости в ее глазах не убавилось. И тогда Кристиан окончательно все для себя решил.

– После этого проследите, чтобы Адель покинула мой дом.

– Ты не посмеешь... – побледнев, прошипела Адель. Вероятно, она думала, что ей все сойдет с рук.

– Госпожа Лоттар! – закричал Кристиан, взбешенный сверх всякой меры. – Решите это дело сегодня же.

– Я прослежу за всем, – заверила его Лоттар и вышла из гримерки.

Кристиан прошелся туда-сюда, восстанавливая душевное равновесие.

– Неужели нельзя было обойтись без ненужной театральщины? – спросил он утомленно.

Адель дрожала от бешенства, но ее гордость не давала ей пойти на попятный.

– Ты заслужил все это, – с презрением бросила она.

– Я ненавижу сцены. Как ты посмела такое устроить!

– Кристиан, я актриса. Мне необходимо...

Он не стал ее слушать дальше – молча ушел, аккуратно закрыв за собой дверь.

В клубе, где Кристиан методично напивался, играя в карты, Лоттар появилась после полуночи. В невзрачном сером платье она не выглядела здесь неуместно – ничего дерзкого, ничего яркого. Сливалась со строгой обстановкой и костюмами членов клуба.

Ганс, очевидно, остался у входа.

– Это мужской клуб, госпожа Лоттар, – развеселился Кристиан, вставая из-за стола, – партия как раз закончилась. Она мельком посмотрела на карты, но не стала никак комментировать проигрыш своего нанимателя.

– Кто бы меня остановил, – с усмешкой ответила она.

– Господин Гё, кажется, не состоял в клубе? – припомнил Кристиан, перемещаясь в сторону бара.

– Он не считал нужным тратить на подобное времяпровождение деньги и время.

– Как ваши успехи?

Прежде чем ответить, Лоттар подала знак бармену, заказывая выпивку.

Приподняв бровь, Кристиан наблюдал за тем, как она преспокойно вливает в себя чистый бурбон.

– Я поговорила с Монморансом, – ответила Лоттар и достала из кармашка небольшой серебряный портсигар, – госпожа Адель больше не сможет выступать ни в одном театре города. Я верно поняла ваше поручение?

– Верно, – Кристиан поднес ей огня, помогая прикурить.

– Это оказалось довольно просто – никто не хочет ссориться с Эрре. Говорят, вы очень злопамятны. У меня были сомнения насчет драгоценностей, которые вы дарили Адели все эти годы. Но в итоге я оставила вам только старинное кольцо, оно слишком хорошо. Остальное позволила госпоже Адели забрать с собой. Это поможет ей продержаться какое-то время. Вам вовсе ни к чему разговоры о том, что вы оставили женщину без средств к существованию. Впрочем, она в любом случае плохо кончит, – равнодушно заключила Лоттар. – Ее молодость уже позади.

Кристиан налил Лоттар еще бурбона.

– Очевидно, понятие женской солидарности вам чуждо, – сказал он безо всякого осуждения.

– Я не терплю глупости и неблагодарности, – пожала плечами Лоттар, – но мое отношение к госпоже Адели не имеет значения.

Кристиан промолчал.

То, что Эльза Лоттар не чуралась сомнительных поручений, не удивило его.

Но то, что она абсолютно правильно истолковала его желания и безупречно их исполнила, – вот это было важно.

– Давайте выпьем за ваш первый рабочий день, – предложил Кристиан, – на мой взгляд, он получился весьма насыщенным.

Ее рот искривился в насмешливой гримасе.

– Более чем, – Лоттар стукнула свой стакан о стакан Кристиана. – Можно ли устроить так, чтобы госпожа Фабер из магазина готового платья шила униформы для продавщиц вашего магазина на улице Благочинства?

– Можно, но для чего?

– Скажем, я раздаю некоторые долги. Вам, по моим подсчетам, это не будет ничего стоить. Правда, и выгоды здесь тоже нет.

– Распорядитесь на этот счет, – не стал мелочиться Кристиан.

- Благодарю, – Лоттар сделала крупный глоток.
- Это господин Гё приучил вас к бурбону? – не сдержал любопытства Кристиан.
- В бизнесе надо уметь пить, – она прищурилась, разглядывая янтарь напитка на дне стакана, – многие переговоры ведутся в неофициальной обстановке. Кстати, с вашими картами вы могли бы выиграть партию.
- Пойдемте, – Кристиан подхватил ее за локоть, – покажете мне как.
- Конечно, господин Эрре.

Глава 7

Неприятный инцидент с Аделью не принес Кристиану глубоких переживаний. Уже давно он не испытывал сильной радости или волнения. Юношей Кристиан безмерно уважал отца – тот был сильным, энергичным и решительным, но рано ушел из жизни. Возглавив семейную компанию чрезмерно молодым, Кристиан много лет потратил на то, чтобы вникнуть во все дела и изменить то, что считал необходимым. Ему приходилось всем и каждому показывать зубы, но он двигался скорее согласно силе инерции, чем собственным желаний.

Его болезненный интерес к Гё в немалой степени основывался на искренней попытке понять, что побуждает старика с такой жадностью пытаться урвать от жизни все. Казалось, что в его более чем почтенном возрасте пора было пресытиться, как пресытился всем Кристиан, еще не достигнув тридцатилетия, но в Гё горел какой-то негасимый огонь.

Кристиан жил сдержанно и осторожно, избегал рисков, больших трат, был не способен на романтические порывы и даже женился по удобству, а не по большой любви. В целом он понимал, почему жена его выставила из дома, а Адель едва терпела: он был невыносимо скучен даже самому себе. По молодости лет он считал это постыдным недостатком, но с возрастом смирился с собой, как привыкают к хронической болезни.

Поручив Катарине найти ему новый дом, он провел целый день в раздражительном и едком настроении, срываясь на ни в чем не повинных служащих. Вернулось позабытое ощущение, что он упускает в жизни что-то важное. В гостиницу, где он нашел временное пристанище, Кристиан отправился уже поздним вечером, но, покидая контору, привычно задрал голову, разглядывая торжественное здание.

В кабинете Лоттар на третьем этаже одиноко горел свет.

Подумав, Кристиан снова поднялся по широкой мраморной лестнице.

Телохранитель Лоттар, Ганс, сидел на кресле в коридоре и читал журнал с таким видом, как будто располагался в собственной гостиной. Кристиан потянулся было к ручке двери, но вдруг спросил у этого молодчика:

– Как давно вы с госпожой Лоттар знакомы?

– Довольно давно, – уклончиво ответил Ганс и снова уткнулся в журнал.

Неразговорчивость была отличительной чертой этой парочки. Не любовники же они?

Впрочем, личная жизнь Лоттар интересовала Кристиана меньше всего.

Он толкнул без стука дверь, но не успел сделать и шагу, как услышал:

– Стойте!

Пол перед ним был белым от разложенных документов. Лоттар сидела на островке между бумагами, курила сигарету и недовольно на него взидала.

– Что-то случилось, господин Эрре? – неприветливо хмурясь, спросила она.

– Что это? – спросил Кристиан, упрямо проследовав вперед и подняв несколько листов в воздух.

Лоттар поморщилась и принялась собирать документы.

– Ваши гульденны.

Кристиан поднял с пола и протянул ей несколько исписанных убористым почерком схем:

– Придумайте что-нибудь поинтереснее, госпожа Лоттар.

– Простите? – удивилась она.

– Какую радость могут принести еще несколько тысяч гульденов? – нетерпеливо огрызнулся Кристиан.

– Новую любовницу я для вас искать не буду, – немедленно отозвалась Лоттар и пояснила, заметив недовольную гримасу Кристиана: – Это вовсе не ханжество. Просто я ничего не

понимаю в любовницах. Как-то не доводилось изучать эту сторону человеческих взаимоотношений. Но если вы дадите подробные инструкции...

– А какая радость от новой любовницы? – резко прервал ее Кристиан.

– О, – на ее лице появилась глубокая задумчивость. – Господин Гё говорил, что в жизни мужчины среднего возраста наступает некий переломный момент...

– Избавьте меня от разговоров о вашем старикане, – вспыхнул Кристиан. – Лучше предложите что-нибудь действительно стоящее. Проявите свою хваленую смекалку.

– Позвольте уточнить. Что-то стоящее – это не деньги и не женщины, – протянула Лоттар. – Что же может заинтересовать человека вашего склада?

– Было бы любопытно послушать.

Лоттар легко встала и прошла прямо по бумагам, растеряв к ним всякий интерес. Потом медленно подошла к шкафу и достала с самой верхней полки тощую папку.

– Я не стала относиться к этому делу серьезно, потому что, на мой взгляд, это своего рода авантюра. Слишком много рисков. Моей квалификации не хватает, чтобы их просчитать. Но, возможно, вам стоит взглянуть.

– О чем идет речь? – без особого оптимизма спросил Кристиан.

– Это предприятие двух молодых энтузиастов, которые получили патент на трехколесный самодвижущийся экипаж. Но им не хватает денег, чтобы собрать его. Вот такая нелепица.

– Трехколесный экипаж? – скептически повторил Кристиан. – Звучит слишком ненадежно. И что значит – самодвижущийся?

– Бензиновый двигатель внутреннего сгорания, – не заглядывая в папку, пояснила Лоттар.

– Без лошадей?

– Без лошадей.

– Невероятно. Где располагается их предприятие?

– В деревне, – со смешком отозвалась Лоттар. – По правде говоря, это всего лишь ферма, которую один из них получил в наследство.

– Что же, – Кристиан забрал у нее папку, – в эту деревню уже проложена железная дорога?

– Вы говорите об этих чудовищных локомотивах, которые выпускают черный дым и гудят так, будто это рычит сам дьявол? – В голосе Лоттар прозвенел легкий испуг. – Но господин Гё...

– Забудьте о Гё. Завтра утром сообщите мне, как мы доберемся до этой деревни.

– Мы? – повторила Лоттар растерянно. – Но вам необязательно...

Однако Кристиан ее больше не слушал.

Катарина отнеслась к этой поездке с явным неодобрением.

– Послушайте, Кристиан, – на правах человека, который работал в компании более двадцати лет, она иногда позволяла себе некие вольности, – не кажется ли вам, что ехать в какую-то деревню ради глупой идеи – это мальчишество? Что сказал бы ваш отец?

– Может, и одобрил бы. Он любил все прогрессивное.

– Но...

– Пригласите ко мне Коха, пожалуйста.

Катарина поджала губы и покинула кабинет.

Стефан Кох был дальним родственником Берты и занимался в компании поставщиками. Он больше других был возмущен тем, что Кристиан нанял Лоттар, опасаясь, что она займет его место. В то же время Кристиан привык доверять ему компанию в свое редкое отсутствие.

– Не может быть, – развеселился Кох, выслушав Кристиана, – ты – и деревня? Какая странная причуда.

– Допустим, – ответил Кристиан расслабленно, – я бы мог открыть фабрику.

– Ба! – воскликнул Кох. – Нашему мальчику становится тесно в штанишках торговца. Уж не Лоттар ли подбила тебя на этакий эпатаж? А что? Старикана Гё она превратила в банкира.

– Что-то странное с этой Лоттар, – поморщился Кристиан. – Никогда не встречал людей, которые бы так неохотно рассказывали о себе. Из какой ты семьи, кто твои родители, какую школу ты заканчивал – это ведь нормальные вопросы. А Лоттар только и делает, что напускает вокруг себя тумана.

– Найти тебе частного детектива? – предложил Кох. – От современных девиц всякого приходится ждать. Уж больно они приткие. А от твоей Лоттар у меня и вовсе мурашки по коже. Она похожа на сердитую серую ворону.

– У меня уже есть детектив, – отмахнулся Кристиан, – пока ничего толкового он не нарыл.

– Господин Эрре, – постучавшись, заглянула Катарина, – ваша супруга.

– Берта, – Кох вскочил и расцеловал ее.

Они были отдаленно похожи – золотистыми локонами, мягкими чертами лица. Только Кох, в отличие от Берты, на самом деле родился красивым.

– Знаешь, чего от меня потребовала твоя дочь? – распростившись с Кохом, спросила Берта.

– Судя по твоему тону, ничего хорошего.

– Она хочет уйти из школы для девочек в смешанную.

– Что? – поразился Кристиан.

– Хельга заявляет, что в ее школе слишком мало арифметики и слишком много рукоделия. А в школах и для мальчиков, и для девочек учат хоть чему-то толковому.

Кристиан помолчал, обдумывая услышанное.

– Дорогая, – осторожно сказал он, – в этом есть здоровое зерно.

– Все смешанные школы – бесплатные! – гневно возразила Берта. – Господи, как будто мы голодранцы какие-то! И хуже того, там наверняка происходит всякий разврат. Кристиан, ты должен вразумить девочку. Она устроила мне настоящую сцену, это уму непостижимо!

– Я обязательно поговорю с Хельгой, – пообещал Кристиан, – но чуть позже. Вечером я уезжаю по делам.

– По делам, – сверкнула глазами Берта, – да ты даже в медовый месяц отказался уезжать, потому что твоя драгоценная компания якобы не могла оставаться без присмотра.

– Но ведь и правда не могла.

– И как ты посмел, ради всего святого, выставить несчастную Адель на улицу!

– Что? – потрясенно охнул Кристиан. – Милая, ты не находишь, что это несколько безумная тема для беседы?

– Бедная девочка терпела тебя годами! А ты... Это не мужской поступок, Кристиан.

– Извини, но я не хочу слушать, как моя жена отчитывает меня за плохое обращение с любовницей. Я слишком консервативен для подобного.

– Однако ты не был слишком консервативен, когда покупал для Адели дом.

– Берта, к чему сейчас эти разговоры?

– К тому, что ты должен втолковать дочери, что ей не место в смешанной школе, – и Берта упрямо выдвинула вперед подбородок.

Кристиан вздохнул.

Хотел бы он знать, где Хельга набралась подобных идей.

На станции Лоттар охватила робость, вовсе ей не свойственная. Она чуть испуганно взирала на пышущий жаром локомотив, однако про свои обязанности не забывала. Убедившись, что багаж Кристиана размещен, она покрепче ухватилась за свой саквояж и выдавила:

– Что же, увидимся с вами по приезде.

– А вы куда собрались? – удивился Кристиан.

– В вагон третьего класса, разумеется.

– Что за чушь! – Он поймал носильщика и отправил его в кассу за билетом первого класса. – Я не собираюсь три часа бестолково таращиться на унылый пейзаж за окном. Извольте следовать за мной, госпожа Лоттар.

Она несколько подавленно кивнула.

Устроившись на покрытой бархатными подушками деревянной скамейке, Кристиан вытянул ноги и заказал чаю и пирожных. Лоттар села напротив, пристроив саквояж у себя в ногах, и распрямила плечи.

«Она и правда была похожа на сердитую серую ворону, – весело подумал Кристиан. – Унылое платье, строгая прическа, тяжелые черты лица».

– Что вы думаете об общественных школах? – спросил ее Кристиан.

– Для честолюбивых девочек это настоящее спасение, – немедленно откликнулась она, оживившись. – В отличие от частных гимназий и пансионов, после общественных школ можно поступить в университет. Изучать право или медицину, например.

Кристиан никогда не задумывался о том, хотел ли он для Хельги подобного будущего, но это было бы интересным. Возможно, однажды он доверит свою компанию дочери, а не сыну.

– В какой школе учились вы, госпожа Лоттар?

– В смешанной, – ответила она не задумываясь. – И математика была моим любимым предметом. Я с ранних лет считала лучше, чем читала.

– И почему я не удивлен?

Локомотив сотрясся всем железным нутром, издал утробный рык и дернулся. Лоттар побледнела и вцепилась пальцами в столик между ними.

– Никогда не путешествовали?

– Не доводилось, – коротко ответила она. Ее ноздри раздувались – испуганно и в то же время хищно. В этом было что-то завораживающее.

Станция за окном медленно уплыла назад.

– Ваши родители не протестовали против смешанной школы? – спросил Кристиан.

Губы Лоттар изогнулись в странной усмешке.

– Нет, – ответила она и замолчала, будто воды в рот набрала.

Подобная манера изъясняться уже стояла Кристиану костью поперек горла.

Впрочем, можно было и так догадаться: раз уж Лоттар позволяли с юных лет бегать по поручениям Предприятия Гё, то родители явно были далеки от предрассудков.

– Они живут в провинции? – вслух подумал он.

– Кто? – с недоумением уточнила Лоттар.

– Ваши родители.

– Да что вам за дело до них, – досадливо отозвалась она.

«А вот старик Гё наверняка знал все ответы», – сердито подумал Кристиан.

– Почему вы путешествуете без своего дуболома?

– Ганс нужен в городе, – на этот раз Лоттар заговорила охотно. – Все мои информаторы завязаны на нем. В нашем деле нельзя щелкать клювом.

– Ого. Вы настолько ему доверяете?

– Ну, кому-то надо доверять, – Лоттар с умудренным видом покивала самой себе.

– Ах, моя милая госпожа Лоттар, вы все же юны и наивны. В сиротских приютах сплошной сброд. Поверьте моему опыту – такие, как Ганс, способны любого оставить с пустыми карманами.

И снова в ее взгляде появилось что-то сложное. Как будто она уходила на глубину.

– Да что вы говорите, – безо всякого выражения произнесла она. – С вашего позволения, я все же буду опираться на собственный опыт.

– Однажды на моих родителей что-то нашло, – сказал Кристиан, и застарелые боль и злость снова коснулись его сердца, – и они взяли на попечение одного мальчика, хорошенького,

словно ангел. Его звали Маттиас. Маттиас Вайс. Мне было около восьми лет, ему – порядка тринадцати. Мама души в нем не чаяла, ее очаровывали его золотистые кудри, голубые глаза, кроткий характер. А отец обожал маму и редко сопротивлялся ее прихотям. Я ревновал и гневался, конечно, но вскоре и сам поддался его влиянию. О, он рассказывал душераздирающие истории о голодном и холодном детстве, о том, что никогда не знал материнских объятий, что никогда не пробовал шоколад или пудинг. У нас с мамой сердце разрывалось от жалости. Идиллия длилась несколько месяцев, а потом...

– ...из дома начали пропадать вещи, – уверенно продолжила Лоттар. Она казалась очень грустной.

– Да, – согласился Кристиан. – Сначала столовые приборы, потом мамины украшения. В итоге отец потребовал у Маттиаса объяснений, а он... рассмеялся. Сказал, что мы идиоты, что таких, как мы, богатеньких лицемеров кто угодно обведет вокруг пальца. Что он ненавидит таких, как мы. Что ему был противен каждый день, который он провел в нашем доме. Особенно, сказал он, ему отвратительна мама, потому что ее забота ему до чертиков опостылела. Отец сказал, что отведет его в полицию, но Маттиас лишь показал ему неприличный жест и сбежал. Больше мы его никогда не видели. А маму хватил удар, и она уже не встала с постели.

– Господи, – пробормотала Лоттар. Она смотрела с таким невыразимым пониманием, как будто Кристиан не рассказывал ей ничего необычного.

– Потом я часто спрашивал себя, почему Маттиас просто не мог жить в нашем доме. О нем ведь заботились. Чего ему не хватало? Со временем я понял, что дети, которые никогда не знали любви, просто не способны ни на благодарность, ни на привязанность.

– Что случилось с вашей мамой после?

– Ее здоровье сильно пошатнулось, и через три года ее не стало.

– Как жаль, – просто сказала Лоттар.

– Да уж, – буркнул Кристиан, который и сам не понимал, с чего вдруг так разоткровенничался.

Впрочем, о том, что он потерял мать еще ребенком, Лоттар наверняка и без того знала из досье старикана Гё.

– Так что там с нашими фермерами? – перевел Кристиан тему разговора.

Лоттар вынырнула из охватившей ее задумчивости и бодро доложила:

– Их зовут Диттер Аккерман и Томас Хауслер. Аккерману двадцать лет, Хауслеру – сорок пять. Овдовел три года назад, детей нет и не было. Аккерман в позапрошлом году бросил богословскую семинарию.

– Какая странная парочка, – вскинул брови Кристиан.

– Чокнутые изобретатели, – пожала плечами Лоттар. – Они все со странностями.

Глава 8

Дорога до фермы оказалась едва ли не длиннее путешествия в поезде. Кристиан растряс себе все кости, пока они громыхали в стареньком экипаже по неказистым проселочным дорогам. Всякая цивилизация закончилась сразу после маленькой станции, и ухоженные поля за окном сменялись заброшенными участками земли.

Кристиан не любил сельское хозяйство – слишком уж ненадежно и трудозатратно. Вкалываешь с утра до вечера, а тут дожди или, наоборот, засуха.

Лоттар же прильнула к пыльному стеклу с плохо скрываемым любопытством. Что она пыталась рассмотреть в темноте – было совершенно непонятно.

– Ни одного магазина или рынка за всю дорогу, – наконец произнесла она с недоумением. – Неужели люди здесь все еще обменивают тыквы на кабачки?

Кристиан расхохотался.

К небольшой ферме, огороженной неожиданно высоким забором, они приехали ближе к рассвету. Кристиан с удовольствием выбрался из экипажа, рассматривая нечитаемые в сизом обманчивом воздухе таблички, которые висели повсюду.

Лоттар безо всякого смущения загрохотала дверным молотком по воротам.

В царящей вокруг тишине это показалось оглушающим.

– Тьфу ты, – сплюнул возница, – дьявольские отродья.

И хлестнул лошадей, стремясь убраться прочь.

Лоттар фыркнула.

– Заберись в любую глушь, – проворчала она, – и все равно встретишь идиота.

И она подобрала юбки, явно примериваясь к тому, как половчее перелезть через забор.

– Совсем спятили? – возмутился Кристиан. – Не боитесь, что вас подстрелят? Все же мы не предупреждали о своем визите. Возможно, следовало переночевать в гостинице...

– Подстрелят? – она задумчиво замерла. – Пожалуй, могут и подстрелить. Местные явно не в восторге от наших изобретателей.

Из-за забора мелькнуло желтоватое пятно света, а потом раздался грозный окрик:

– В этот раз я точно буду стрелять, сколько бы сумасшедших старух под моим забором ни копошилось.

– Не надо! – закричала Лоттар. – Мы не сумасшедшие старухи. Мы инвесторы. Может быть.

Шаги прозвучали быстрее, и ворота со скрипом распахнулись.

– Приличные инвесторы в это время спят, – проскрежетал тот же голос, и тусклый свет керосинки выхватил из полумрака волевое лицо в окружении длинных волос.

– Можно подумать, к вам тут очередь из денежных мешков стоит, – невозмутимо заметила Лоттар, внимательно его разглядывая. – Томас Хауслер, полагаю. Меня зовут Эльза Лоттар, я помощница господина Кристиана Эрре. Слышали же вы здесь о компании «Эрре и сыновья»?

– Лавочник, – самым пренебрежительным образом пожал плечами Хауслер.

Кристиан слишком устал и проголодался, чтобы негодовать. Все, чего он хотел, – это кровать и ужин, вернее, завтрак, а уж гордо отказать этим заносчивым фантазерам он сможет и позже.

Однако Лоттар энергии было не занимать.

– Теперь понятно, почему ваша самоходная машина остается только бумажкой. Кого вы ждете? Императорского казначея? – язвительно парировала она и вступила на территорию неухоженного сада, отодвинув Хауслера плечом. – Господин Эрре нуждается в теплой ванне, сытном завтраке и удобной постели.

– Видит бог, я нуждаюсь во всем этом не меньше, – рассмеялся Хауслер и пошел вперед, подсвечивая дорогу. – Но это обитель двух холостяков. Все, что я могу вам предоставить, – это пара яиц и тюфяк в мезонине.

На крыльце, подпрыгивая от прохлады в тонких домашних шлепанцах, их ждал молодой растрепанный парень.

– Что там? – крикнул он нетерпеливо. – Деготь или тухлые яйца?

– Как вы понимаете, жители нашей деревни не являются сторонниками прогресса, – пояснил Хауслер с некоторой гордостью. – Нас тут считают едва ли не приспешниками сатаны.

– Вы всем и каждому рассказываете про свою машину без лошадей? – спросила Лоттар с интересом.

– Да это Диттер испытывал динамит в поле с кукурузой, – ответил Хауслер.

– С пшеницей, – поправил его Аккерман с крыльца. – Но кто вы такие?

Лоттар снова представилась сама и представила Кристиана. На этот раз реакция была совершенно иной.

– Ух ты! «Компания Эрре и сыновья», да? А это сам господин Эрре, да? Возглавили компанию совсем юнцом, да? Да вы были даже моложе меня, да? В девятнадцать, да?

У Кристиана немедленно зазвенело в ушах.

– В семнадцать, – гордо поправила его Лоттар с таким видом, будто это было ее личным достижением.

Неутомимая как пчелка, она уже просочилась внутрь старенького домика, нашла бекон и яйца и соорудила нехитрый, но вкусный завтрак.

Выселила Аккермана из его спальни, сменила постельное белье и поставила греться ведро с водой.

– У нас еще нет канализации, – Аккерман ходил следом за ней, как голодный птенец, – а в городе уже везде есть, да?

– Не везде.

– А вы что, боитесь огня?

Кристиан, который сыто дремал здесь же, на кухне, встрепенулся.

И действительно, Лоттар не то чтобы сторонилась очага, но явно обходила его по широкой дуге. Ну и глазастый этот Аккерман.

– Не люблю, – сухо сказала она, – слишком горячий.

– Ну да. Огонь горячий, вода мокрая, – закивал мальчишка. Его спутанные пшеничные волосы подпрыгивали. Смазливый. Доброжелательный. Милый.

– Диттер немного одичал тут со мной, – пояснил Хауслер, – мы ведь патент получили несколько месяцев назад. Думали – ну теперь-то мир вздрогнет от такой затеи. А оказалось, что миру все равно. Какое-то время мы побегали от порога к порогу, но потом отчаялись, у нас закончились деньги, и мы вернулись сюда, поджав хвосты.

– Как вы вообще познакомились? – спросила Лоттар.

– В семинарии, – охотно ответил Аккерман. – Томас заявился туда с лекцией по электромагнитной теории света. Нацепил на себя рясу, прикинулся священнослужителем, а потом как начал формулы на доске выводить. Вот мы все рты пооткрывали. Скандал был знатный. Томаса выкинули вон, а я пошел за ним. Это было так весело.

Лоттар звонко рассмеялась.

– Если вы сговоритесь с господином Эрре, то мы перевезем вас в город, – сообщила она и вручила Аккерману ведро с горячей водой. Покосилась на очаг и отошла подальше. – Так всем будет удобнее.

«Не сговоримся, – хотелось возразить Кристиану, – пусть себе ищут других лавочников».

Но вместо этого пошел умываться и спать.

К вечеру, когда Кристиану удалось разлепить глаза, он застал всю компанию в гостиной.

Лоттар с увлечением разглядывала чертежи, а юный Аккерман что-то вдохновенно рассказывал. Хауслер поглядывал на них снисходительно, обложившись книгами в кресле в углу.

– Это потрясающе, господин Эрре! – воскликнула Лоттар. – Мы посчитали, сколько будет стоить создание опытной модели. Вот все цифры, – и она подвинула ему листок бумаги.

– Мне бы хотелось знать, не сколько я потрачу, а сколько я получу, – сварливо буркнул Кристиан.

– Я сварю вам кофе, – мгновенно оценила его настрой Лоттар.

– Вы, кажется, тут не прислуга.

Аккерман вскочил на ноги.

– Конечно. Простите. Просто у Эльзы так хорошо все получается. Она как будто фея. Знаете, какой вкусный ужин она приготовила?

Что-то тяжело бухнуло внутри Кристиана и от этой Эльзы, и от феи, и от ужина.

– Госпожа Лоттар не будет готовить вам ужины, – загремел он, мгновенно выпав из сонной одури в злобное самодурство. – Что вы себе тут позволяете? Госпожа Лоттар, собирайтесь. Мы немедленно отсюда уезжаем, и к черту всю эту затею.

– Конечно, уедем, – мгновенно согласилась Лоттар, – только завтра утром. Раньше экипаж за нами не придет.

– Кофе, – переполошился Аккерман и метнулся в сторону кухни. Хауслер усмехнулся:

– По крайней мере, в вас, господин Эрре, есть хоть что-то человеческое, – заявил он. – Что же, давайте поговорим серьезно.

– Я много лет прислуживала господину Гё, – сообщила Лоттар, возвращаясь к расчетам, – и ничего такого в этом нет.

– Мне плевать, что вы делали для старикана Гё, – громыхнул Кристиан, – но я вас не в качестве кухарки нанимал.

– Посмотрим, как вы запоете, когда проголодаетесь, – ехидно вставил Хауслер.

И Кристиан вдруг понял, что этот засранец ему нравится. Бесит, конечно, но и нравится тоже. Куда больше милашки Аккермана, который без устали увивался вокруг Лоттар.

– И все же я не хочу, чтобы мое имя было связано с такими глупостями, – задумчиво произнес Кристиан, когда они на следующий день сели в поезд. – Я все-таки потомственный лавочник, надо беречь репутацию семьи.

– Какой сложный выбор, – развеселилась Лоттар, склонив голову набок. Когда она улыбалась, ее резковатые черты будто преломлялись. Лицо становилось сложным: губы и глаза словно бы принадлежали разным людям. – Или выставить себя на посмешище, связавшись с безумцами, или встать во главе фабрики будущего и прославиться. Что же вы выберете, господин Эрре?

– Как и всегда – тактику выжидания. Оформите аренду здания на свое имя, вы же и выступите официальным инвестором.

– Ой, – ее улыбка стала шире, – и что вы станете делать, если я решу вас надуть?

– Если вы станете наживать врагов с прежней скоростью, то не доживете до своего тридцатилетия, – предупредил ее Кристиан.

– Вы правы, – она вздохнула, – с братьями Гё за спиной я боюсь собственной тени. Может, им и дела до меня нет? Если бы люди были такими же понятными, как математика, жизнь была бы куда проще, верно?

– Вы не слишком-то похожи на перепуганного человека, – ответил Кристиан, внимательно наблюдая за ней.

– Я делю страх на категории, – деловито принялась рассказывать Лоттар, – в первой у меня мелкие страхи того, чего я не знаю. Театра, например, или локомотива.

– Или любовниц, – подсказал Кристиан, улыбаясь.

– Да. Во второй категории – страх перед опасностями. Вот. Братья Гё входят во вторую категорию. Когда я думаю о них – то говорю себе: фе, это всего лишь второсортный страх. Ничего такого.

– И страх огня?

– Это не страх, – резко ответила она, – просто... недоверие.

– Что же у вас в третьей, самой страшной категории страха?

– Неудачные инвестиции.

– Что? – переспросил Кристиан, не в силах в такое поверить. – Вы же каждый день инвестируете. Как вы этим занимаетесь, если все время боитесь неудачи?

– А как люди живут, если каждый день боятся смерти? – развела руками Лоттар. – В этом же вся суть.

Частный детектив навестил Кристиана через несколько дней.

И в этот раз он выглядел чрезвычайно довольным.

– Отличные новости, господин Эрре, – с порога возвестил он, улыбаясь. – После того как вы сообщили мне о сиротском приюте, которому покровительствовал Гё, дело сразу сдвинулось с мертвой точки.

– Сиротский приют? – удивился Кристиан. – Какое отношение к этому имеет Лоттар?

– Самое прямое. – Детектив развалился в кресле и открыл маленькую потрепанную книжечку. Перелистнул несколько страниц. – Итак, Эльза Лоттар попала в приют в возрасте примерно от пяти до семи лет.

– Она... – Кристиан запнулся. Потер лоб, не в состоянии понять ни слова. Встал и прошелся по кабинету. Открыл дверь в приемную: – Катарина, принесите нам с моим гостем виски.

– Девять утра, – сухо напомнила она.

– Катарина! Боже, – пожаловался Кристиан, возвращаясь на свое место. Распустил ворот рубашки. – Собственная секретарша мной недовольна.

– Ну что вы, господин Эрре, – укорила Катарина, принося поднос с напитками. – Просто при вашем отце такого не было.

– Эта женщина семь лет проработала с моим отцом и двадцать лет со мной, – Кристиан сделал большой глоток и кивнул, отпуская Катарину, – тем не менее я каждый день слушаю ее наставления о величии моего отца. Что это говорит о ней или обо мне?

– Что у вас отличный виски, господин Эрре, – невозмутимо отсалютовал ему бокалом детектив.

– Ладно. Лоттар. Она не похожа на сиротку из приюта. Никаких жалостливых историй. Дорогая одежда. Манеры. Вы что-то перепутали, Кертис.

– Ничего я не перепутал. До приюта Лоттар находилась у одного священника, отца Брауна. Он воспитывал нескольких сирот, но скончался. Служанка, которая работала на него, так стара, что не помнит, когда именно появилась Лоттар. Скорее всего, ее подкинули к порогу, как и остальных детей. Поэтому ее точный возраст неизвестен.

– Что еще?

– Всякие мелочи. По словам мадам Дюваль, директрисы приюта, весьма словоохотливой особы...

– Вы ее соблазнили, Кертис, – уверенно перебил его Кристиан.

– И за это я вам выставлю отдельный счет, – ухмыльнулся детектив. – Так вот, по словам мадам Дюваль, ваша Лоттар была редкой ученицей. Никаких конфликтов и ссор. Ее и поролило всего один раз, и то за компанию. Кто-то из девочек не убрался в своем шкафчике, и досталось всем. В остальном Лоттар не искала неприятностей, помогала на кухне и мыла окна в кабинете мадам Дюваль. Умненькая, хитренькая, старательная. Обожала учиться. Поэтому, когда

Анна Гё попросила у мадам Дюваль сиротку для своего несносного папаши, мадам Дюваль предложила лучшее, что было в приюте, – Эльзу Лоттар.

– В качестве кого?

– В качестве домашней прислуги. Тем не менее Лоттар еще несколько лет возвращалась в приют каждый день, чтобы продолжать учебу. Это все.

– Да, – согласился Кристиан, перекаывая на язык бешенство со вкусом виски, – это действительно все.

Глава 9

Лоттар явилась немедленно, и Катарина закрыла за ней дверь с нескрываемым злорадством.

О, она умела распознать бешенство за внешним спокойствием Кристиана.

– Присаживайтесь, госпожа Лоттар, – вежливо предложил он. – Чай? Кофе? Что-то покрепче?

– Ну что вы, – ответила она с некоторой растерянностью и села на самый краешек кресла.

Раскачиваясь на стуле, он разглядывал ее. Серый строгий костюм, белоснежная блузка с высокой стойкой, никаких украшений, траурная повязка на рукаве.

– Как вы думаете, почему я предложил вам эту должность? – сухо спросил Кристиан и не стал дожидаться ответа: – Из-за ваших выдающихся способностей? Вовсе нет. Я искал доверенное лицо, на которое мог бы полагаться ровно так, как старикан Гё полагался на вас. Но очевидно, я вашего доверия не заслуживаю, хоть на собеседовании вы и заверяли меня, что всегда откровенны со своим нанимателем.

Лоттар хмурилась все сильнее, слушая его, но не собиралась прерывать.

– Что вы себе вообразили? Что меня так поразит ваше сиротство, что я немедленно лишу вас должности? Так вот, ваше недоверие меня оскорбило куда сильнее. Я больше не заинтересован в вас, госпожа Лоттар, потому как вряд ли найду в нашем сотрудничестве того, что искал. Но вы вольны поступать, как вам вздумается. Можете продолжать здесь работать, а можете идти на все четыре стороны. Мне все равно.

Выговорившись, Кристиан не почувствовал облегчения. Только едкую желчь и разочарование.

Лоттар же даже не дрогнула. И от ее хладнокровия становилось противно тоже.

– Как же, – спросила она негромко, – исправить эту ситуацию?

– Вы могли бы начать с извинений, – буркнул Кристиан, тут же решив про себя, что ни за что ее не извинит.

– Будто бы это поможет, – проницательно заметила Лоттар. – Мне бы хотелось свести эту беседу к более конструктивному руслу.

Ей бы хотелось?

Конструктивному руслу?

Она что, не видит, что висит в этой компании на тонкой ниточке?

От негодования Кристиан едва не задохнулся. Жилет немедленно стал ему узок, а галстук удавкой впился в шею.

– Госпожа Лоттар, – ему удалось обуздать бешенство, – что ж. Давайте конструктивно. Я хочу получить ответы на все свои вопросы. Мне необходимо знать, с кем я имею дело.

– Господин Эрре, – так же сухо ответила Лоттар, – к сожалению, я недооценила степень вашей заинтересованности в подноготной своих сотрудников. Мне казалось, что мое прошлое не так уж важно. Мне жаль, что я допустила подобную ошибку, но иногда мне сложно понять людей. В любом случае я готова рассказать все, что вам интересно.

– Ладно, – Кристиан встал и прошелся по кабинету, – хорошо. Что произошло между вами и Анной Гё? О каком трагическом стечении обстоятельств и нелепой ошибке идет речь?

– Это действительно было нелепой ошибкой, – Лоттар явно напряглась, стиснула руки, ее плечи будто окаменели. – Господин Гё уехал на несколько дней по делам, я осталась одна в скрюченном домишке. И все его дети решили воспользоваться этой ситуацией. К сожалению, братья и Анна не обсудили свои намерения между собой. Надо ли вам говорить, что их удручало то доверие, которое мне оказывал их отец? Они считали меня авантюристкой и пережи-

вали, что мое влияние на господина Гё окажется слишком велико и это скажется на их наследстве. Разумеется, они все преувеличивали. На господина Гё невозможно было повлиять.

Кристиан перестал расхаживать по кабинету и присел на краешек стола, разглядывая Лоттар. Его поразила серьезность ее тона. Словно речь шла о чем-то куда более важном, чем нелепая ошибка.

– В тот вечер неожиданно приехала Анна и заявила, что останется ночевать. Я не удивилась, решила, что она просто хочет убедиться, что я не сопру столовое серебро. Тут надо сказать еще вот что: у господина Гё была привычка запираť меня на несколько часов в шкафу, если я приносила ему убытки.

– Что? – не веря услышанному, переспросил Кристиан.

– Он говорил, что так я смогу обдумать свои ошибки и не повторять их снова. Анна знала, как тяжело мне даются подобные наказания, и решила... я не знаю. Проучить меня разве что? Просто отыгаться? Как бы то ни было, она дождалась, пока я усну, и заперла дверь моей комнаты снаружи. По ее замыслу, я проснусь утром и испугаюсь. Это был довольно смешной план, – уточнила Лоттар с кривой усмешкой, – потому что я легко могла бы покинуть комнату через окно в сад. По правде говоря, я достаточно часто так делала, когда не собиралась ставить господина Гё в известность о своих вечерних прогулках.

Ее вечерние прогулки сейчас мало интересовали Кристиана. Взволнованный и изумленный, он пытался представить себе такую жизнь, когда тебя могут запереть в шкафу.

– Но в то же время братья Гё решили напугать меня иначе, – продолжала Лоттар, и в ее глазах вспыхнуло что-то темное. – Ночью они прокрались в сад и бросили мне в окно камень. Он попал в керосиновую лампу, которая стояла на тумбочке возле окна. Лампа упала. Занялся ковер, а потом занавески. Так из-за двух нелепых шуток я оказалась в запертой горячей комнате.

– Боже, – Кристиан наклонился вперед, едва удерживая в себе желание тряхнуть Лоттар за плечи.

Почему она позволяла все это семейству Гё?

Потому что у сиротки из приюта, тут же пришел ответ, выход из дома старикана был только на улицу.

Ненависть, которой не было в бледном лице Лоттар с сухими глазами и поджатыми губами, зарождалась в Кристиане.

– Что произошло после?

– Анна, – коротко ответила Лоттар. – Она почувствовала запах дыма и бросилась вниз, чтобы отпереть меня. К тому времени я уже потеряла сознание, задохнувшись, и она вынесла меня наружу. Ее братья потушили огонь. Никто из них не желал мне настоящего зла. Просто так сложилось.

– Как сильно вы пострадали?

– Анна немедленно отправила за семейным лекарем, я долго лежала в лечебнице, а потом меня даже отправили на воды, – Лоттар усмехнулась. – Господин Гё был в ярости – ведь он остался без прислуги на несколько месяцев. Тогда-то я и уговорила его взять в дом Ганса.

– Как сильно вы пострадали? – настойчиво повторил Кристиан, предчувствуя, что ответ будет безжалостным.

– Я получила значительные ожоги, которые обезобразили мне спину. – Впервые за все время этого разговора Лоттар опустила глаза. Кристиан разжал ее пальцы, которые переплелись в замок с такой силой, что костяшки побелели.

– Покажите, – велел он, не отдавая себе отчета, зачем ему понадобилось смотреть на ее ожоги.

Лоттар вскинула на него потерянный взгляд, потом резко кивнула и поднялась. Аккуратно сняла серый жакет, повесила его на спинку кресла. Медленно расстегнула белую блузку.

Стянула ее с плеч, оставив болтаться на руках, обнажила тонкую нательную сорочку. Повернулась к Кристиану спиной.

Он увидел багровые неровные рубцы, которые убегали вниз от лопатки под белый шелк. Это действительно выглядело бы неприглядно, если бы спина перед ним не была бы так мужественно выпрямлена.

– Анна, разумеется, только и могла говорить о том, что лишила меня хоть какого-то шанса выйти замуж. Я не богата, не красива, не обаятельна. Еще и это все...

– Не прибедайтесь, – отрешенно отозвался Кристиан, – вы достаточно обеспечены.

Она вдруг хрипло рассмеялась, и этот смех разорвал оцепенение Кристиана. Он вздрогнул и отвернулся. Подошел к окну, уставившись на улицу. Лоттар с тихим шорохом одевалась.

– Так почему вы решили работать на меня? – спросил он. – Назовите теперь истинную причину – ну, для разнообразия.

– Потому что это действительно разозлило детей господина Гё, – ответила она.

– Вот как мы поступим, – Кристиан развернулся. Лоттар, застегнутая на все пуговицы, смотрела прямо ему в глаза. – С этого дня я требую от вас точно такого же доверия, которое было между вами со стариканом...

– Не стоит, – прервала она его насмешливо. – Это доверие дешево стоило. Я проворачивала немало финансовых операций вместе с Гансом за его спиной. Это никогда не было в ущерб господину Гё, но я предпочитала, чтобы у меня был независимый доход.

Кристиан хохотнул.

– Да неужели, – весело протянул он, – преданная малышка Лоттар на деле не такая уж и преданная?

Она пожала плечами и не отвела взгляда:

– У каждого свои интересы. Но я могу гарантировать вам абсолютную честность, если, конечно, вы не надумаете запирать меня в шкафу.

– Не надумаю, – угрюмо отозвался Кристиан. – Послушайте, госпожа Лоттар. Неужели вам не хочется разорить этих людей?

– Сыновья господина Гё справятся с этим самостоятельно. Что касается Анны... я сделаю все, чтобы обеспечить ее до старости. Я ведь и правда обещала это.

– Никогда мне вас не понять, – раздраженно буркнул Кристиан. – Если бы со мной случилось подобное, я бы не остановился до тех пор, пока не причинил бы обидчикам такой же боли.

– Месть меня вряд ли порадует. Но чего я действительно хочу – это стать настолько сильной, чтобы никто даже не подумал приближаться ко мне.

Это Кристиан от нее уже слышал, но теперь подобное стремление стало более понятным. Большинство женщин, которых он знал, никогда не говорили вслух о подобных намерениях.

– Что ж, – проговорил Кристиан холодно, – в этом я мог бы помочь вам. Если бы вы продемонстрировали свою верность мне, а не кому-то из семьи Гё, мертвому или живому.

– Что вы имеете в виду? – немедленно спросила Лоттар, явно насторожившись.

– Разорите Анну Гё, – ответил Кристиан. – Пустите ее по миру.

В обычно спокойном взгляде Лоттар вспыхнуло смятение.

– Это невозможно, – не раздумывая, произнесла она с хрипотцой.

– В таком случае больше я ничего не могу для вас сделать, – ядовито уведомил ее Кристиан.

Внутри него что-то рвалось и дрожало. Будто он утратил твердую почву под ногами. Уже очень давно Кристиан не чувствовал себя настолько злым и беспомощным. Но было что-то еще, чему он затруднялся дать определение. Смутно похожее на сострадание.

Подобные эмоции Кристиану были вовсе ни к чему. В бизнесе они делали тебя уязвимым.

– Что же делать, – растерянно спросила Лоттар, – со складом, который я оформила на свое имя для Аккермана и Хауслера?

– Я пришлю вам своего доверенного человека, переоформите аренду на его имя.
– Хорошо, – она посмотрела на него с печалью. – До этих пор я останусь в компании.
– Я вовсе не принуждаю вас увольняться, – напомнил Кристиан, крайне недовольный результатом этой беседы.
– Нет никакого резона оставаться одним из рядовых ваших служащих, – она грустно улыбнулась. – У меня было совсем иное представление о нашем сотрудничестве.
– Как и у меня. Наше разочарование взаимно, госпожа Лоттар.
Она молча вышла, тихо закрыв за собой дверь.

К вечеру в кабинет заглянула Катарина.
– Кристиан, – произнесла она испуганно, – на ваше имя доставили странное послание.
– Ну что там еще? – кисло спросил Кристиан, у которого было отвратительное настроение.

– Вот, – и секретарша положила перед ним черный конверт, на котором серебристыми буквами с вензелями было выведено: «Приглашение на похороны г-на К. Эрре».
– Это еще что за чертовщина? – выдохнул Кристиан.

После того как он возглавил семейную компанию, в его адрес выпало немало угроз. Но обычно они имели менее изощренную форму.

– Я не знаю, как оно было доставлено, – виновато проговорила Катарина. – Я просто обнаружила конверт на полке с корреспонденцией в приемной. Могу предположить, что его подбросила эта Лоттар. Никто более подозрительный сегодня не заходил.

– Вызовите ко мне Гарреля, – попросил он и вскрыл конверт.

«Похороны Кристиана Эрре состоятся в пятницу в два часа пополудни. Родные и близкие просят воздержаться от длинных речей, поскольку об усопшем нечего сказать, кроме того, что его убила Эльза Лоттар».

– Так уж и нечего, – обиделся Кристиан. – Да я первым в этом городе ввел обучение для служащих! Но кого это волнует!

Отбросив от себя мерзкую карточку, он который уж раз за этот нервный день потянулся за виски. Если дела так будут продолжаться и дальше, то он превратится в пьянчужку.

Гаррель, начальник его охраны, явился быстро.

Видимо, Катарина уже ввела его в курс дела, потому что он сразу прочитал карточку, а потом мрачно воззрился на Кристиана.

– Ну и кому вы на этот раз хвост прищепили?

Кристиан развел руками:

– Ничего нового в моей жизни не происходило.

– Кроме Лоттар.

– Да, кроме Лоттар, – согласился Кристиан. Отрицать ее участие в этом деле не представлялось возможным – имя было написано четко и ясно.

– Я допрошу эту девицу, – сказал Гаррель.

– Допросите, – Кристиан сделал добрый глоток виски, – правда, я не представляю, для чего ей бы понадобилось писать мне такое. Всякий на ее месте старался бы избегать скандалов.

– На каком месте? – тут же спросил Гаррель.

– У меня сложилось впечатление, что она собирается попросить расчет.

– Вы поссорились?

– Просто не нашли общего языка.

– Не находите, что это может послужить причиной?

– Да не знаю я! – закричал Кристиан. – Я понятия не имею, что происходит в ее голове! Но эти послания слишком причудливы! А Лоттар выглядит разумной и логичной особой. Я бы сказал, что подобные выходки не в ее духе.

– Весьма шаткое умозаключение, – скептически хмыкнул Гаррель. – Я расспрошу Катарину обо всех, кто заходил сегодня в приемную.

– И еще был венок, – признался Кристиан и рассказал об этом злоключении тоже.

Гаррель нахмурился еще сильнее.

– Я приставлю к вам кого-нибудь, – решил он.

– Да будет вам, – отмахнулся Кристиан, – я же не трепетная дамочка, чтобы нуждаться в охране. Все это выглядит скорее как издевательство, нежели как реальная угроза.

– По крайней мере, – посоветовал Гаррель, – держите при себе свои револьверы. И не ловите ворон.

– Просто найдите мне этого шутника, – огрызнулся Кристиан. – В приемную мог войти только кто-то из сотрудников, а я не потерплю подобного от людей, которым сам же и плачу. Это уже ни в какие ворота не лезет.

По словам Катарины, за день у нее было не так уж много посетителей.

Несколько раз заглядывал Стефан Кох, дальний родственник жены Кристиана и его заместитель по работе с поставщиками. Услышав, что начальник уединился с Лоттар, он недовольно скривился и проворчал что-то неодобрительное. У Коха были причины опасаться появления Лоттар, которая тоже занималась поставщиками у Гё, но Кристиан верил в его леность. Вряд ли Коху хватит энергичности на противостояние.

Заходил ворчливый старикашка Дитмар Лонге, которому Кристиан поручил Лоттар в первые дни ее работы здесь. Лонге работал в компании так долго, что сомневаться в его лояльности не приходилось.

Кроме того, еще был Конрад Браун – темная, по мнению Кристиана, лошадка. Он работал в компании всего полтора года и все еще занимал одну из самых мелких должностей – принеси да подай. Молодой лощеный красавчик явно жил не по средствам, обладал амбициозным характером, что в совокупности с полной бездарностью могло взрастить в нем определенные обиды.

– Начните с Брауна, – велел Кристиан Гаррелю, выслушав Катарину.

– Но... Лоттар... – попытался было возразить тот, однако Кристиан не дал ему закончить:

– Катарина не доверяет Лоттар, а значит, не спускала с нее глаз все то время, пока она была в приемной. Вряд ли у этой девицы была возможность подкинуть конверт.

– Знаете, а вы правы, – неохотно проскрипела Катарина. – Кстати, Дитмар завернул какой-то сомнительный договор, который пыталась ему подсунуть Лоттар.

– Что за договор?

– С некой госпожой Фабер, которая якобы должна обшивать наших продавщиц, – бросив взгляд на бумаги, ответила Катарина.

– Ах да, – у Кристиана совсем выпало это из головы, – давайте сюда бумаги, я подпишу.

– Дитмару не понравилось, что Лоттар действовала за вашей спиной.

– Не за моей спиной, а от моего имени, – поправил ее Кристиан, поставил аккуратную подпись и отправился к Берте, которая все еще настаивала на разговоре с их дочерью о выборе школы.

Глава 10

Дождаясь, пока ему подадут чаю, Кристиан мрачно созерцал очередную безвкусную картину, которую Берта повесила в столовой. Она изображала пышнотелую нимфу, застигнутую во время купания подлым сатиром.

На лице нимфы было столько смущения и ужаса, что поневоле вспоминались расправленная спина Лоттар и та бестрепетность, с которой она согласилась обнажить шрамы.

В этом было что-то противоестественное и пугающее.

Все катилось к черту, и винить в этом было некого... кроме самого себя. Кристиану никогда не были свойственны ни наивность, ни идеализм, так почему же он так захотел Лоттар себе в тот день, когда увидел, как старикан Гё подписывает прочитанные ею документы?

Мысли о собственных фабриках давно тревожили душу Кристиана, но в его кругах фабриканты считались грубыми и неотесанными мужланами, для которых двери гостиных открывались не слишком охотно. И если презрительное «лавочник» уже почти стерлось за несколько поколений респектабельности, то навешивать на себя другой ярлык Кристиан не спешил. Слишком осторожный, чтобы кидаться в новое дело открыто, он предпочел бы действовать через посредника. Лоттар казалась ему идеальной кандидатурой – не связанная ни с его семьей, ни с компанией, потерявшая все со смертью старика Гё и не слишком известная в деловых кругах. Кроме того, юную девицу поначалу мало кто воспринял бы всерьез, ну а потом было бы видно...

Но идею прикрыться Лоттар следовало признать несостоятельной. Кристиан точно знал, что люди, совравшие в малом, соврут и в большом. Одна ложь всегда тянет за собой другую, и в итоге это нагромождение поглотит и того, кто обманывает, и того, кого обманывают.

Лжецов Кристиан опасался больше, чем всех иных – трусов, предателей, скряг, лицемеров, игроков и распутников. По крайней мере, эти слабости были понятны и предсказуемы.

Где найти другого человека, которому можно довериться в столь важном деле, Кристиан не знал.

Кох, сколь бы дружелюбным он ни был, все же оставался родственником Берты, а иными приятелями Кристиан так и не обзавелся. Не воспринимать же всерьез знакомых по клубу или наемных служащих.

В чем разница между последними и Лоттар, Кристиан вряд ли смог бы объяснить. Однако для старика Гё девица явно была чем-то большим – тем, чем не захотела стать для Кристиана.

Она даже не захотела попытаться, и это наполняло душу едким разочарованием.

Чем Кристиан хуже старикана? Только тем, что не держал Лоттар за прислугу и не запирали в шкафу?

Хельга скользнула в столовую настороженная, с поджатыми губами. Было видно, что ничего хорошего от разговора с отцом она не ожидала, – слишком много стычек с матерью ей пришлось вынести.

– Значит, смешанная школа, да? – без обиняков начал Кристиан. – Ну, рассказывай, для чего тебе это понадобилось.

Хельга села на стул напротив него, подняла бездонные глаза и вздохнула. В ней перемешались дедовское упрямство, практичность матери и недоверчивость самого Кристиана. С ранних лет она не доставляла особых хлопот, предпочитая хитрость и скрытность капризам и слезам.

– Потому что мне хотелось бы в будущем иметь свое дело, – ответила она, неожиданно напомнив ему Лоттар. – Мужья – это ненадежный товар.

– Вот как, – только и ответил Кристиан, неприятно пораженный этими словами. Никогда он не ограничивал Берту в деньгах и не вникал в ее расходы. И не собирался начинать в

будущем. Кроме того, он ни за что бы не покинул семью, если бы его не выставили за порог. Так откуда такие разговоры?

– Это мама тебе такое сказала?

– Кое-кто, – уклонилась от ответа Хельга и зашла с другой стороны: – Многие девочки заканчивают смешанные школы. Это вовсе не значит, что они сразу становятся падшими женщинами.

– Ну разумеется, нет, – Кристиана даже перекосило от того, что его дочь вообще знает о подобных женщинах. – Что за дикие предрассудки.

– Так считает мама, – нажаловалась Хельга.

Это было уже чересчур. Берта в своем стремлении удержать девочку в частной гимназии просто переходила всякие разумные границы.

– Скажи своей маме, – поднимаясь, сказал Кристиан, – что я немедленно разузнаю о смешанных школах и устрою тебя в лучшую из них.

Хельга не стала радостно восклицать или кидаться ему на шею. Вместо этого она лишь сдержанно кивнула, но ее глаза загорелись, как два фонаря.

Кристиан сбежал из дома до того, как его настигла Берта с неминуемым скандалом.

Дом, который купила для него Катарина, был небольшим и скромным. Впрочем, Кристиан и не собирался устраивать здесь пышных приемов. Это было по части Берты и ее испуганных нимф. Старый камердинер – скорее строгий дядюшка, чем слуга, – вот кто теперь ждал его по вечерам. Мориц отказался следовать за Кристианом к Адели, но, услышав про новый дом, быстро собрал свои вещи и переехал. Теперь он рьяно наводил там порядок, перемежая наставления ворчанием.

Сегодня, вопреки обыкновению, Мориц не встретил Кристиана у порога. Это было загадочно, и Кристиан прошел по тихим и пустым комнатам первого этажа, а потом услышал приглушенные голоса из курительной комнаты. Один из них явно принадлежал женщине, и это показалось загадочным вдвойне.

Толкнув дверь, Кристиан остолбенел от увиденного. С сигаретой в зубах Лоттар сидела в кресле и потягивала виски. На небольшом столике между ней и Морицем лежали карты. Судя по тому, что на вошедшего никто не обратил внимания, игра шла не на жизнь, а на смерть.

– Мориц? – отмерев, ломко позвал Кристиан.

– Господин Эрре, – хищно протянула Лоттар, – вас-то я и жду.

Как будто были другие варианты!

– И судя по всему, нисколько не скучаете в ожидании, – хмыкнул Кристиан и подошел ближе. Плеснул и себе виски в бокал, посмотрел на карты. – Мориц, кажется, я избавил вас от большой беды, – заметил он.

– Ваша правда, мой господин, – весело согласился камердинер. – Никогда в жизни не встречал такоймышленной особы.

– Господина Гё мучила бессонница, – пояснила Лоттар и украдкой потянулась. – Он при-
нуждал меня просиживать с ним за картами ночи напролет. Ух и ненавидела я раньше игру, потому что едва не засыпала потом на уроках. Но сейчас все видится совсем иначе. Господин Эрре, я пришла сказать, что ужасно обеспокоена происходящим.

– Гаррель был груб с вами? – немедленно спросил Кристиан.

– Да будет вам, – ответила она насмешливо. – Люди его профессии всегда одинаковы. Меня волнуют вовсе не чужие манеры, а тот прискорбный факт, что угрожают вам, а ставят под удар меня. Учитывая обстоятельства, мне бы хотелось в самое ближайшее время убраться из города.

– Боитесь и правда ненароком убить меня? – рассмеялся Кристиан. – Если похороны назначены на пятницу, то убийство, видимо, на вторник или среду.

– Вторник – это уже завтра, – Лоттар нервно закурила снова.

– Могу я подавать ужин? – невозмутимо спросил Мориц.

– Сюда, пожалуйста, – попросил Кристиан. – Нам с госпожой Лоттар здесь будет удобнее, чем в столовой.

Лоттар рассеянно выпустила дым, явно слишком погруженная в размышления.

– Все это какая-то нелепость, – проговорила она раздраженно. – Похоже на женское злоехидство. Но венок пришел прежде, чем Адель узнала обо мне, и прежде, чем вы выставили ее вон. Может, за вашей спиной есть и другие обиженные женщины?

– Вряд ли, – покачал головой Кристиан. – Я не отношусь к дамским угодникам.

– Какая-то ерунда. И при этом непонятно, на кого все это нацелено, на вас или меня. Я хочу сказать, что сложно поверить в то, что вы в настоящей опасности. Уж больно подобные угрозы отдают дешевым фарсом.

– Но на всякий случай вы хотели бы оказаться подальше от меня.

– Именно, – Лоттар принялась аккуратно собирать карты. – Я думала о вас, господин Эрре.

– Это взаимно, госпожа Лоттар, – пожал плечами Кристиан. – У меня остался неприятный осадок от нашей утренней беседы.

Она подняла на него взгляд – острый и колкий, но в то же время удивительно понимающий.

– Вы ведь приняли меня на службу вовсе не для инвестиций, – заметила она. – У вас были какие-то другие планы, и я ваших надежд не оправдала. Вот почему возникло это непонимание. Мне казалось, что мое прошлое не заслуживает никакого внимания, а вам важно было доверие между нами. И теперь мне не дает покоя вопрос, что же вы задумали на самом деле. Возможно, это что-то куда интереснее денег.

– Возможно, – мягко согласился Кристиан, замороженный тем, как верно она все поняла и как открыто это озвучила. – Прошу меня извинить.

Он быстро вышел и нашел Морица на кухне.

– Что скажете, дружище? – спросил он, зная о почти мистической проницательности старика.

– Лучше вступить в незнакомую реку, чем оставаться на берегу, – философски ответил камердинер.

Кристиан обдумал этот совет.

Ему было уже слишком много лет, чтобы предаваться пустой мечтательности, как безусому юнцу.

Рассудив подобным образом, он вернулся к Лоттар. В его курительной комнате она выглядела удивительно уместно – с почти мужскими повадками, лишенная всякого кокетства, прямолинейная и замкнутая одновременно. Под вечер ее строгая прическа чуть растрепалась, и короткие прядки кудрявились вокруг высокой шеи. Резкие черты лица немного смягчились от выпивки, прямые густые брови не хмурились, прямыми стрелами уносясь к вискам. Она задумчиво разглядывала черно-белые гравюры на стенах, и в ее облике не было и следа от того напряжения, которое охватывает женщин, когда они навещают в позднее время мужчин.

Лоттар была слишком умна, чтобы не понимать двусмысленности ситуации, однако это ее вовсе не волновало. То ли ей было плевать на собственную репутацию, то ли она слишком верила в свои способности, чтобы беспокоиться о том, что люди скажут.

Кристиан, который тратил много усилий, чтобы выглядеть в обществе как надо, не мог понять такой беззаботности, пренебрежения условностями. Даже если у Лоттар не было семьи и положения в обществе и ей нечего было терять, то как могла она оставаться такой равнодуш-

ной к правилам хорошего тона? Кристиан снова вспомнил, как легко она обнажилась перед ним этим утром, и сглотнул непонятный горький комок в горле.

– У меня есть для вас дело, которое позволит вам уехать завтра же утром. Только возьмите с собой этого Ганса, а то не одной вам беспокойно, – объявил он, не до конца уверенный, что поступает правильно.

– Что за дело? – жадно спросила она, и от нетерпения у нее даже ноздри затрепетали.

– В городке В. продается фабрика, – решившись, ответил Кристиан. – Ее владелец не рассчитал сил и сел в лужу. Я хотел бы, чтобы вы оценили состояние дел и назвали мне сумму, которая потребуется на запуск этой фабрики, и перспективы дохода от нее.

– Фабрика? – повторила она, сдвинув брови. – Что же на ней производится?

– Ничего. Нынешнему владельцу не хватило денег для открытия. Но предполагается, что будет производиться искусственный пурпурный краситель. Один юный химик изобрел его, разрабатывая лекарство от малярии. Неплохо бы выкупить у него этот патент, кстати.

В глазах Лоттар вспыхнуло всепоглощающее пламя. Казалось, что она готова была сию секунду сорваться с места и улететь в В. на метле. Кристиан смотрел на нее с удовольствием – он узнавал всполохи, пожиравшие его изнутри вот уже много лет.

– И вот еще что, госпожа Лоттар. Не нужно сообщать, что вы действуете от моего имени. Напустите тумана. Оставляю это на ваше усмотрение – вы можете прикрываться анонимным инвестором или же наследством господина Гё.

На лице Лоттар отразились азарт и понимание. Она протянула Кристиану свой бокал с виски, и они торжественно чокнулись.

Вошел Мориц с немудреным ужином и принялся неспешно накрывать на стол.

– Ах, господин Мориц, – сказала ему Лоттар, – наша с вами прогулка откладывается на неделю. У меня появились кое-какие дела в В.

– Дела прежде всего, – согласился Мориц.

– Прогулка? – недоуменно переспросил Кристиан.

– Госпожа Лоттар обещала мне экскурсию по местным рынкам, – объяснил Мориц. – Ни разу там не был. Госпожа Берта предпочитает солидные продуктовые лавки.

– Которые закупаются на тех же рынках, – ухмыльнулась Лоттар. Она явно расслабилась и повеселела: будущая поездка воодушевила ее. – Я открою Морицу этот город заново, поверьте мне. Я все детство провела на его улицах и в его закоулках.

И так у нее это получилось уверенно и задорно, что Кристиану захотелось поменяться местами с Морицем.

Камердинер с плохо скрываемым умилением положил на ее тарелку лучший кусок говядины.

– К слову о смешанных школах, – заговорила Лоттар, с аппетитом принявшись за ужин, – обратите внимание на ту, что на улице Трех Собак. Директор там господин Фейсар, когда-то он преподавал математику в нашем приюте. Очень увлеченный своим делом и достойный господин. Вашей дочери может там понравиться – он ввел много прогрессивного в образование. И уж явно не в части рукоделия и музицирования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.